

Михаил Тамоев

КИБЕР-КОСТОПРАВЫ

2026

Михаил Тамоев
Кибер-Костоправы

«Автор»

2026

Тамоев М. Ю.

Кибер-Костоправы / М. Ю. Тамоев — «Автор», 2026

Бригада ветеринарной скорой спешила по трассе, когда «Газель» сбила человека, а потом дорога кончилась, и машина рухнула в мир победившего киберпанка. Здесь всем правит корпорация «НейроСинт»: импланты заменили лекарства, техножрецы меняют органы на протезы, а людей, чьё тело отторгло машины, сбрасывают на нижние уровни умирать. Но ветеринарный хирург Анна видит организм иначе: живое и механическое — единая система. Вместе с командой она начинает лечить тех, кого списали, — бесплатно, без замены, видя причину, а не следствие. Сначала Кибер-Костоправов принимают за чудаков, потом за пророков, а затем за ними начинают охоту. Их методы угрожают власти корпорации, но пациенты, которых они спасли, встают на их защиту. «Кибер-Костоправы» — постапокалиптический киберпанк с элементами бытовой фантастики и драмы. История о команде, которая стала семьёй, о мире, который можно вылечить, и о том, что настоящее лекарство — это не машины, а люди.

© Тамоев М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Глубинная проба»	5
1. Последний вызов старого мира	5
2. Слесарь с большой дороги	8
3. Провал	11
4. Мир, где всё болеет по-другому	13
5. Операция «Бублик»	16
6. Кибер-Костоправы и Легенда	19
Глава 2. «Племя Отверженных»	23
1. Пробуждение под землёй	23
2. Обход	26
3. Техножрец и урок анатомии	29
4. Болезнь	32
5. Операция без наркоза	34
6. Карта поверхностей	37
Глава 3. «Дорога»	39
1. Последний ремонт	39
2. Прощание	42
3. Тоннель	44
4. Поселение на краю	46
5. Эпидемия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Тамоев

Кибер-Костоправы

Глава 1. «Глубинная проба»

1. Последний вызов старого мира

Вечер умирал на обочине федеральной трассы, истекая багровым закатом сквозь немытое лобовое стекло. «Газель» с облупившейся надписью «Ветеринарная помощь» и намалеванным красным крестом на борту шла на восток, подпрыгивая на колдобинах так, словно вместо амортизаторов под днищем работали ржавые пружины от старого дивана. В салоне пахло хлоргексидином, собачьей шерстью и тем особым потом, который бывает только у людей, не спавших вторые сутки подряд.

Анна держала капельницу левой рукой, правой пытаясь нащупать пульс на бедренной артерии дога, распластанного на носилках. Пес был огромен, рыж и в данный момент находился где-то на полпути между жизнью и смертью — его сбил внедорожник на пешеходном переходе, и теперь внутреннее кровотечение медленно, но верно забирало своё. Анна чувствовала, как жизнь утекает из-под её пальцев, и это чувство ей категорически не нравилось.

— Давление падает, — бросила она, ни к кому конкретно не обращаясь, но зная, что каждое её слово ловят сразу двое. — Если через двадцать минут не будем на столе, я его потеряю.

— Через двадцать минут будем в кювете, если ты не перестанешь долбить мне в затылок, — отозвалась Вера, не оборачиваясь.

Она сидела за рулем так, словно родилась в этом кресле — спина прямая, плечи развернуты, руки на баранке лежат легко, но цепко, как у снайпера на спусковом крючке. Старый шрам через левую бровь белел в свете встречных фар, придавая её лицу выражение вечной иронии, хотя на самом деле Вера просто прищуривалась, пытаясь разглядеть дорогу сквозь пыльный шлейф от впереди идущего лесовоза.

— Я не долблю, я информирую, — отрезала Анна.

— Ты долбишь, — спокойно ответила Вера и крутанула руль, уводя машину от очередной ямы. «Газель» возмущенно скрипнула всеми своими сочленениями, но послушалась. — И перестань щупать его каждые тридцать секунд, ты только нервируешь собаку.

— Собака без сознания, её невозможно нервировать.

— Значит, ты нервируешь меня.

Маша, сидящая на корточках у изголовья дога, тихо прыснула в кулак, но тут же сделала серьезное лицо, поймав ледяной взгляд Анны. Рыжие волосы Маши, вечно выбивающиеся из-под медицинской шапочки, прилипли ко лбу влажными прядями, но она не замечала этого — всё её внимание было сосредоточено на мониторе портативного кардиографа, который она придерживала коленом, потому что крепление сломалось еще в прошлый вторник, а нового никто так и не заказал.

— Синусовый ритм пока держится, — доложила Маша. — Но я бы на твоём месте, Ань, всё-таки ввела транексам внутривенно, а не ждала клиники. Потеря крови больше критической, ты же сама видишь.

— Я вижу, что мы везем его с открытой травмой живота, и если я начну колоть антифибринолитики до того, как мы остановим кровотечение, я просто помогу ему истечь быстрее и чище, — Анна говорила ровно, почти монотонно, но в этом тоне было куда больше металла, чем в самом резком крике. — Мы не на операционном столе, у нас нет запаса эритроцитарной

массы и нет возможности переливать кровь в полевых условиях дольше чем двадцать минут. Поэтому я буду делать то, что считаю нужным, а ты будешь следить за давлением и говорить мне, если оно упадет ниже семидесяти. Всё поняла?

Маша кивнула, ничуть не обижаясь. За два года работы с Анной она выучила главное правило «Снежной Королевы»: та никогда не оскорбляла и не унижала, она просто отключала всё лишнее, включая эмоции, и в этом режиме работала быстрее и точнее любого компьютера. Обижаться на неё было так же бессмысленно, как обижаться на скальпель за то, что он острый.

Паша, зажатый в углу салона между ящиком с медикаментами и задней дверью, изо всех сил старался быть полезным. Он держал фонарик, направляя луч точно на операционное поле, и держал его уже сорок минут без перерыва, отчего рука затекла и начала предательски подрагивать. Паша ненавидел себя за эту дрожь, но ничего не мог с ней поделать — он вообще много за что себя ненавидел в последнее время, и проваленная сессия была лишь верхушкой айсберга.

— Паша, выше и левее, — скомандовала Анна, не глядя на него. — У тебя рука уходит, я не вижу края раны.

— Я держу, — выдал Паша, хотя на самом деле чувствовал, что еще немного, и фонарик выскользнет из вспотевших пальцев.

— Держишь ты плохо, но я всё равно ценю твои старания. Маша, подстрахуй его, пока он не выронил оборудование нам на стерильную зону.

Маша, не меняя позы, протянула свободную руку и мягко накрыла Пашину ладонь своей, стабилизируя и фонарик, и Пашину нервную систему одновременно. Он благодарно выдохнул, чувствуя, как тепло её пальцев прогоняет дрожь куда лучше любого лекарства. Если Анна была мозгом их операции, а Вера — её скелетом, то Маша была нервной системой, которая соединяла всех в единый организм, и делала это без всяких усилий, просто потому что не могла иначе.

— Пятнадцать минут до клиники, — объявила Вера, бросив взгляд на навигатор, который показывал какую-то совсем уж невменяемую картинку. — Если этот чертов спутник не врет, конечно. У него сегодня настроение, как у моей бывшей свекрови — то показывает дорогу, то предлагает развернуться и ехать обратно.

— Лишь бы не развернуться, — сказала Анна, и впервые за вечер в её голосе промелькнуло что-то похожее на усталость. — Я этого пса обещала хозяйке вернуть живым. Она ему стихи читает на ночь, представляете? Пса по кличке Гектор. Хозяйка говорит, он особенно любит Бродского.

— Уважаю пса с литературным вкусом, — хмыкнула Вера и вдавила педаль газа в пол.

Дорога в этом месте шла под уклон, потом нырнула в небольшую низину, где асфальт всегда был разбит лесовозами, а по обочинам громоздились горы щебня, оставленные дорожными службами еще в прошлом году. Вера знала этот участок наизусть и обычно проходила его на хорошей скорости, потому что тормозить здесь было опаснее, чем лететь — потеряешь инерцию, и выбираться из ям придется внатяг, рискуя порвать и без того дышащий на ладан кардан.

«Газель» вошла в поворот с тем особенным креном, который заставлял всех в салоне инстинктивно хвататься за что попало. Ящики с инструментами сдвинулись на полсантиметра, но устояли — Вера всегда крепила их лично, не доверяя ни Паше, ни санитарам из клиники. Анна, не отрываясь от раны, буркнула что-то неразборчивое, но явно неласковое, а Маша просто прикрыла голову дога ладонью, чтобы его не тряхнуло слишком сильно.

А потом случилось то, чего никто не ожидал.

Глухой удар прозвучал одновременно с криком Веры — коротким, каким-то даже не испуганным, а скорее злым, как у человека, который только что разбил любимую кружку и еще не решил, на ком выместить досаду. Машину дернуло, повело в сторону, и Вера, матерясь сквозь зубы на трёх языках одновременно, выкрутила руль вправо, уходя от заноса.

«Газель» остановилась, тяжело осев на рессорах.

Тишина в салоне была такой густой, что её можно было резать скальпелем.

— Мы кого-то сбили, — сказала Вера совершенно пустым голосом, глядя в зеркало заднего вида на дорогу позади.

Анна подняла голову. Впервые за сорок минут она оторвала взгляд от раны и посмотрела в окно. Там, в сгущающихся сумерках, на обочине, лежало что-то бесформенное в промасленной телогрейке, и это что-то, судя по всему, только что материализовалось прямо перед их бампером из ниоткуда.

Паша выронил фонарик.

2. Слесарь с большой дороги

Первым из машины вылетел Паша, потому что сидел ближе всех к задней двери и потому что ему отчаянно требовалось доказать свою полезность хоть в чём-то. Он выскочил на дорогу, поскользнулся на гравии, взмахнул руками, как пугало на ветру, но каким-то чудом удержался на ногах и метнулся к лежащему телу. Фонарик он подобрал на бегу и теперь светил им прямо в лицо сбитому, что было, конечно, не самой умной идеей — человек застонал и попытался закрыть рукой от яркого света.

— Живой! — крикнул Паша с таким облегчением, будто это он только что спас пациента от неминуемой гибели. — То есть, кажется, живой. Дышит, по крайней мере!

Вера вышла из машины второй, и по тому, как она двигалась — медленно, тяжело, словно каждое движение давалось ей ценой невероятных усилий, — Анна сразу поняла: Вера уже прокрутила в голове худший сценарий и теперь готовилась к тому, что сейчас увидит. Бывшая военная медсестра, она слишком хорошо знала, как выглядят люди после столкновения с многотонным транспортом, и ничего хорошего от этого знания не ждала.

Анна выбралась следом, на ходу стягивая окровавленные перчатки. Она бросила на Машу короткий взгляд, и та поняла без слов: осталась с догом, держать капельницу и следить за давлением. За два года совместной работы они выработали этот беззвучный язык — язык кивков, полувзглядов и едва заметных движений бровями, который работал куда быстрее и точнее любых слов.

— Ну? — спросила Анна, подходя к месту происшествия.

— Да живой он, живой, — Вера уже присела на корточки рядом с пострадавшим и быстро ощупывала его голову, шею, ключицы — профессионально, четко, без лишней суеты. — Зрачки реагируют, сознание спутанное, но это скорее от того, что он пьян в стельку. Переломов, кажется, нет. Ушиб грудной клетки, возможно, трещина в ребре, но это не критично. Сотрясение — сто процентов, но какое — пока не скажу.

Анна опустила на колени прямо в дорожную пыль, не заботясь о том, что пачкает форменные брюки. Она взяла лицо сбитого мужчины в свои ладони и повернула его к свету.

Мужчине было на вид около пятидесяти, может, чуть больше, но алкоголь и нелегкая жизнь состарили его раньше времени, и теперь он выглядел на все шестьдесят. Лицо, покрытое сеткой лопнувших капилляров, говорило о долгих годах дружбы с бутылкой, но черты его не были лишены своеобразной, грубоватой выразительности: высокий лоб с залысинами, глубоко посаженные глаза, которые даже сейчас, в полубессознательном состоянии, смотрели на мир с каким-то хитрым, оценивающим прищуром, и крупные, натруженные руки с въевшейся в каждую складку кожи металлической пылью.

— Вы кто? — спросил мужчина заплетающимся языком, пытаясь сфокусировать взгляд на лице Анны. — Я где?

— Вы на дороге, — ответила Анна, продолжая осмотр. — Вас сбила машина скорой ветеринарной помощи. Ирония судьбы заключается в том, что мы лечим животных, но сегодня, похоже, придется заняться и вами. Как вас зовут?

— Валера, — сказал он и вдруг попытался сесть, но Вера мягко, но непреклонно уложила его обратно, придерживая за плечи. — Валера я. Слесарь. Из гаража. Мне в гараж надо... пустите, а?

— В гараж вам сейчас категорически не надо, — Анна проверила его пульс, удовлетворенно кивнула каким-то своим мыслям и продолжила ощупывать ребра. — Вам надо в травмпункт, сделать рентген грудной клетки и лежать под наблюдением минимум сутки, потому что сотрясение мозга — это не шутка, а вы к тому же еще и пьяны, что усложняет диагностику.

Валера посмотрел на неё с тем особенным выражением лица, какое бывает у людей, которые только что услышали что-то глубоко абсурдное и теперь пытаются понять, не шутят ли над ними. Он перевел взгляд на Веру, потом на Пашу, который всё еще держал фонарик, забыв его опустить, а потом снова на Анну и выдал фразу, которая мгновенно разрядила обстановку:

— Да ну вас, доктор. У меня там заначка под верстаком. Пропадёт ведь.

Вера фыркнула, и это был первый раз за вечер, когда она издала звук, отдаленно похожий на смех. Паша сделал серьезное лицо, но у него ничего не вышло — уши предательски покраснели, и он отвернулся, делая вид, что внезапно заинтересовался состоянием заднего бампера.

— Заначка под верстаком, — повторила Анна без всякого выражения, но уголки её губ едва заметно дрогнули вверх. — Это, безусловно, серьезный аргумент. Однако я вынуждена настаивать на медицинском осмотре, потому что если вы сейчас встанете, дойдете до своего гаража и там благополучно скончаетесь от внутреннего кровотечения, то ваша заначка достанется кому-то другому. Вы этого хотите?

Валера задумался, и на его лице отразилась такая мучительная внутренняя борьба, что даже Вера перестала ухмыляться. Прошло по меньшей мере секунд пять, прежде чем он, тяжело вздохнув, изрек:

— Не хочу.

— Вот и договорились, — Анна поднялась с колен и, отряхнув брюки, посмотрела на Веру. — Забираем. Ребро, скорее всего, цело, но я не хочу рисковать. Уложите его в салоне, по дороге глянем еще раз. Если что — развернемся и в районную больницу.

— А пёс? — тихо спросил Паша, и в его голосе прозвучало столько тревоги за судьбу дога, будто речь шла о его собственном питомце.

— А пса мы доведем до клиники, — отрезала Анна, и это «мы» прозвучало так, словно других вариантов не существовало в природе. — У нас есть двадцать минут, и я не собираюсь терять ни секунды.

Вера и Паша подхватили Валеру под руки — он оказался неожиданно тяжелым для своего субтильного вида, словно его тело состояло не из мяса и костей, а из какого-то спрессованного, пропитанного маслом железа, — и поволокли к «Газели». Валера не сопротивлялся, только бормотал себе под нос что-то про «пропавшую заначку», «Петровича, который завтра придет и всё разворует» и про «какую-то сволочь, которая сперла у него торцевой ключ на сорок два».

Когда его усадили в салон, привалив спиной к ящику с перевязочными материалами, он вдруг обвел пространство вокруг себя мутным, но при этом странно цепким взглядом, каким опытный механик осматривает заглухший двигатель. Его взгляд наткнулся на колесную арку, видневшуюся в проеме приоткрытой задней двери, и он неожиданно внятно, почти трезво произнес:

— У вас ступичный подшипник на ладан дышит. Еще километров десять — и клинанёт наглухо. Ступицу менять надо, это я вам как специалист говорю.

Вера, которая уже садилась за руль, замерла на полпути. Она повернулась к Валере и посмотрела на него с тем особым выражением, с каким смотрят на человека, внезапно сказавшего что-то дельное посреди полного бреда.

— Ты по звуку определил? — спросила она.

— По вибрации, — Валера зевнул, явно утрачивая остатки сознания, но при этом умудряясь сохранять вид глубокого профессионального превосходства. — У вас там вибрация на кузов идет с амплитудой где-то полмиллиметра. Это не кардан и не балансировка колес, это именно ступичный. Я такие вещи с закрытыми глазами чувю. С открытыми тоже, но с закрытыми лучше — меньше отвлекаешься.

Вера переглянулась с Анной, которая уже снова склонилась над догом, и этот обмен взглядами означал примерно следующее: «Алкаш-то, похоже, не просто алкаш».

— Ладно, специалист, — сказала Вера, заводя мотор. — Сиди тихо и не мешай работать. Если выживешь — посмотришь нам подвеску.

— Посмотрю, — сонно пообещал Валера и, привалившись к плечу Паши, который от неожиданности застыл как соляной столб, практически мгновенно отключился.

Маша, которая всё это время молча следила за давлением дога, вдруг тихо рассмеялась. Это был усталый, но искренний смех, какой бывает у людей, когда напряжение достигает пика, а потом резко спадает, не находя другого выхода.

— Ну и денек, — сказала она, и по её голосу было слышно, что она всё еще улыбается. — Мы сбили алкаша, который диагностирует подвеску по вибрации кузова с точностью до полмиллиметра. Если бы мне кто рассказал — не поверила бы.

— В нашей работе, Машенька, — отозвалась Анна, не поднимая головы от операционного поля, — главное правило заключается в том, что верить надо всему, что видишь собственными глазами, и ничему, что тебе пытаются рассказать. А теперь давайте закроем дверь и поедем, потому что Гектор теряет кровь быстрее, чем я могу её восполнить.

Вера вдавила педаль газа, и «Газель», взревев мотором, рванулась вперед, унося в салоне пятерых человек, одного пса и одну судьбу, которая, сама того не подозревая, только что сделала крутой поворот.

3. Провал

Дорога вела себя странно.

Вера поняла это первой, потому что водитель всегда чувствует дорогу раньше пассажиров — кожей, позвоночником, тем особым чутьём, которое не заменить никакими навигаторами и датчиками. Асфальт под колесами вдруг стал каким-то неправильным, словно едешь не по твердому покрытию, а по туго натянутой мембране, которая гудит и вибрирует в ответ на каждое прикосновение.

— Что за черт? — пробормотала она, бросив взгляд на приборную панель.

Стрелка спидометра дергалась, как в лихорадке, показывая то сорок километров в час, то сто двадцать, хотя скорость машины не менялась. Тахометр выдавал какие-то совершенно безумные цифры: четыре тысячи оборотов, шесть, десять, ноль, снова десять. Лампочка давления масла мигала азбукой Морзе, а указатель уровня топлива застыл на отметке «пусто», хотя Вера точно помнила, что заправлялась утром.

— У всех телефоны сходят с ума, или только у меня? — спросила Маша, глядя на экран своего смартфона, который внезапно покрылся сеткой помех и начал самопроизвольно открывать случайные приложения. — У меня тут «Гугл Карты» показывают, что мы находимся где-то в Тихом океане, потом перепрыгивают в Тибет, а теперь пишут просто «NaN, NaN». Я не знаю, что такое «NaN», но мне это уже не нравится.

Паша достал свой телефон и обнаружил, что его фитнес-браслет, старый, потрепанный «Ми Бэнд» третьего поколения, который он носил скорее по привычке, чем для реальной пользы, вибрирует с такой силой, будто пытается вырваться с запястья и улететь в неизвестном направлении.

— У меня то же самое, — доложил он. — И еще такое ощущение, что браслет хочет мне что-то сказать, но не может подобрать слов. Это странно, да?

— Это не странно, это тревожно, — отозвалась Анна, которая наконец-то закончила перевязку и теперь смотрела в окно, куда-то в сгущающуюся темноту за обочиной. — Остановите машину.

— Зачем? — спросила Вера, хотя уже начала притормаживать.

— Затем, что я хочу понять, где мы находимся, — Анна говорила медленно, и в её голосе впервые за весь вечер прозвучало что-то, отдаленно напоминающее неуверенность. — И еще затем, что я не узнаю эту дорогу. А я знаю каждую колдобину в радиусе ста километров от города, потому что мы по ним ездим третий год подряд. И этой колдобины, — она ткнула пальцем куда-то в сторону, — я не помню.

Она действительно не помнила. Потому что этой колдобины — точнее, этой трещины, которая начиналась у самой кромки асфальта и уходила куда-то вглубь, под дорожное полотно, разветвляясь, как корневая система гигантского дерева, — здесь никогда раньше не было. Из трещины бил свет, и свет этот был неправильного, какого-то большого фиолетово-зеленого цвета, какой не дает ни одно известное человечеству устройство.

«Газель» остановилась.

В наступившей тишине стало слышно, как работает двигатель — неровно, с перебоями, словно в цилиндры попало что-то лишнее. А еще стал слышен гул: низкий, ритмичный, идущий откуда-то из-под земли, как сердцебиение исполинского существа, спрятанного глубоко в толще породы. Гул этот не просто слышался ушами — он ощущался всем телом, вибрировал в зубах, в костях, в самых дальних закоулках легких.

— Вера, — сказала Анна, и по тому, как она произнесла это имя — спокойно, но с той особенной интонацией, какая бывает у людей перед тем, как произнести что-то очень важное,

— все поняли: сейчас прозвучит приказ. — Вера, разворачивай машину. Прямо сейчас. Мы уезжаем обратно.

Вера кивнула и включила заднюю передачу.

А потом асфальт под колесами треснул окончательно, и «Газель» провалилась вниз.

Это было не падение в яму — это было погружение сквозь реальность. На какую-то долю секунды Анна увидела, как мир вокруг них рассыпается на пиксели, на фрагменты кода, на мельчайшие светящиеся элементы, которые складывались в какие-то невозможные, не поддающиеся пониманию структуры. Она увидела схемы, которые парили в воздухе, как трехмерные голограммы, и пульсировали в такт тому самому подземному сердцебиению. Она увидела провода и трубки, сплетающиеся в органические, живые жгуты, которые тянулись отовсюду и уходили в никуда. Она увидела данные, которые текли сквозь этот мир, как кровь по артериям, и в этих данных были числа, буквы, символы на языках, которых она никогда не знала, но почему-то понимала.

Вера вцепилась в руль так, словно пыталась удержать падающий самолет. Она материлась на всех известных ей языках и еще на нескольких, которые, кажется, придумывала на ходу, но руки её оставались тверды, а спина — прямой. Маша закрыла глаза и что-то шептала — не молитву, а просто слова, какие-то детские считалочки, которые она помнила с детства и которые сейчас помогали ей не сойти с ума. Паша, напротив, распахнул глаза так широко, что, казалось, они сейчас вывалятся из орбит, и орал — но орал он не от ужаса, а от восторга, потому что его сознание, с детства воспитанное на видеоиграх и аниме, воспринимало происходящее как самый крутой спецэффект в истории.

— Инопланетный данж! — орал Паша. — Я знал! Я всегда знал, что однажды нас затянет в инопланетный данж! Смотрите, тут текстуры подгружаются! У них разрешение, как в реальной жизни!

И только Валера, по-прежнему привалившийся к плечу Паши, не просыпался. Он только причмокнул губами во сне, явно ворочаясь в каких-то своих, глубоко личных алкогольных эмпиреях, и пробормотал последнюю фразу, которую кто-либо из команды услышал в старом мире:

— Хороший спирт... в восемьдесят девятом такой был... душевный...

А потом всё кончилось.

Удар был страшным, но не смертельным — Вера всё-таки успела как-то вывернуть руль в самый последний момент, и «Газель» рухнула не носом вниз, а плашмя, на все четыре колеса, которые отозвались на столкновение с поверхностью оглушительным хрустом и звоном. Потом наступила тишина — полная, абсолютная, какая бывает только глубоко под землей, куда не долетает ни единого звука с поверхности.

Сознание Анна потеряла последней, и последней её мыслью было: «Гектор. Мы не доездили Гектора».

А потом наступила темнота.

4. Мир, где всё болеет по-другому

Анна пришла в себя от того, что кто-то настойчиво тыкал её в плечо чем-то острым. Она открыла глаза и увидела перед собой лицо Веры — бледное, перепачканное то ли грязью, то ли запекшейся кровью, но при этом совершенно спокойное, как у человека, который уже принял ситуацию и теперь просто решает проблемы по мере их поступления.

— Живая, — констатировала Вера с явным облегчением. — Я уж думала, ты себе шею свернула. Лежи, не дергайся, я тебя проверила — переломов нет, сотрясение есть, но ты у нас крепкая, отойдешь.

— Гектор, — прошептала Анна, пытаясь сесть и тут же жалея об этом: голова отозвалась такой болью, словно по затылку ударили кувалдой. — Что с Гектором?

— Жив твой Гектор, — Вера помогла ей принять сидячее положение и кивнула куда-то в сторону. — Маша его держит. Представляешь, она всю дорогу, пока мы падали, капельницу из рук не выпустила. И пса не бросила. Я таких, как она, только в разведке видела — и то один раз за всю службу.

Анна огляделась. «Газель» лежала на боку, но, судя по тому, что Вера говорила о Маше и Гекторе, салон более-менее уцелел. Свет, проникавший сквозь треснувшее лобовое стекло, был странным — не дневным и не электрическим, а каким-то рассеянным, биолюминесцентным, словно они находились внутри гигантского светлячка. Пахло озоном, разогретым металлом и еще чем-то неуловимо чужим — так, наверное, пахнет воздух на другой планете, если на других планетах вообще есть воздух.

— Где мы? — спросила Анна, хотя уже знала, что ответ ей не понравится.

— А вот это, Анечка, самый интересный вопрос, — Вера помогла ей подняться и выбраться наружу через покореженную заднюю дверь, которую кто-то уже успел поддеть ломом. — Мы под землей. Глубоко. Насколько глубоко — не знаю, но скажу тебе так: когда я служила, нас один раз завалило в бункере на глубине тридцати метров, и там была точно такая же тишина. Только тут она какая-то... живая, что ли. Слушай.

Анна прислушалась. Тишина действительно была живой — в ней что-то гудело, что-то щелкало, что-то тихо пульсировало на грани слышимости, словно огромный спящий механизм, который никогда не останавливается полностью, а только переходит в режим ожидания. И еще в этой тишине были звуки — далекие, едва различимые, но явно механические: скрежет, лязг, ритмичные удары, как будто где-то очень далеко работало какое-то неведомое производство.

— Паша уже сказал, что это «техногенное подземелье», — продолжила Вера, — и что нам нужно искать «лут» и «точку сохранения». Я половины не поняла, если честно, но пацан явно в своей стихии. Валера твой тоже очнулся, кстати. Сидит у колеса и бормочет, что «так не бывает» и «это противоречит законам физики». По-моему, он немного протрезвел.

Анна обошла «Газель» и увидела всю свою команду. Маша сидела прямо на земле, привалившись спиной к покореженному борту машины, и держала Гектора на коленях — пес всё еще был без сознания, но дышал, и капельница, прикрепленная скотчем к обшивке салона, мерно отсчитывала капли физраствора. Паша стоял чуть поодаль, задрал голову вверх и разглядывая что-то в колоссальной высоте потолка, который терялся в фиолетовом сумраке. Валера сидел на корточках рядом с вывернутым под странным углом колесом и бормотал себе под нос то, что Вера только что процитировала — про законы физики и невозможность происходящего.

— Так, — сказала Анна, и все, включая Валеру, немедленно повернулись к ней. — У нас есть раненый пес, сотрясение у половины личного состава и полное отсутствие понимания, где мы находимся. Это исходные данные. Что мы делаем? По порядку. Маша, состояние пациента.

— Стабильно тяжелое, — отозвалась Маша, не поднимая головы от пса. — Давление держится на семидесяти пяти, пульс нитевидный, но ровный. Если мы не найдем операционную в ближайшие два часа, я не гарантирую, что он выживет.

— Операционную мы не найдем, — спокойно сказала Анна, и в этом спокойствии было куда больше уверенности, чем в любых панических криках. — Значит, будем оперировать здесь. Вера — свет, инструменты, стерильное поле из того, что уцелело. Маша — анестезия, мониторинг, ты знаешь. Паша — ассистируешь мне. Валера...

Она запнулась на мгновение, потому что Валера формально не был частью команды и вообще непонятно как здесь оказался, но тут же продолжила:

— Валера, ты говорил, что ты слесарь. Осмотри машину. Если мы отсюда выберемся, нам понадобится транспорт. Если нет — нам понадобится генератор, свет и тепло. Найди, что можно починить, и почини.

— Так я ж это... — Валера растерянно оглядел свои трясущиеся руки. — Я ж с утра не опохмелялся. У меня руки ходуном ходят, какой из меня сейчас слесарь?

— А ты найди, чем опохмелиться, — неожиданно для себя сказала Анна, и по лицу Валеры расплзлась такая благодарная улыбка, словно ему только что пообещали царствие небесное. — У нас в машине должен быть медицинский спирт. Для обработки инструментов. Если ты пообещаешь мне, что после ста грамм твои руки перестанут трястись и ты действительно сможешь работать, — я дам тебе стакан.

— Доктор, — сказал Валера с неожиданной серьезностью, — после полстакана мои руки не просто перестают трястись. После полстакана я гений.

— Проверим, — отрезала Анна и повернулась к Маше. — Готовь операционное поле. Резать будем прямо здесь. Если это подземелье — значит, здесь кто-то живет. И если кто-то живет — мы должны быть готовы к встрече.

Она как в воду глядела.

Первый звук, который донесся из темноты, был похож на скрежет металла о металл — протяжный, скребущий, какой издает старая несмазанная дверь, которую открывают после долгих лет запустения. За ним последовал второй — цокающий, многолапый, словно по камню бежало что-то размером с крупную собаку, но с совершенно не собачьей механикой движений.

Вера отреагировала первой. Она выхватила из-за пояса плазменный резак, которым до этого вспарывала покореженную обшивку «Газели», и встала между темнотой и своими людьми.

— Всем молчать, — сказала она тихо, но так, что услышал каждый. — Свет погасить. Анна, Маша — к машине. Паша, спрячься за колесом и не высывайся, пока я не скажу. Валера...

— Я за колесом, — так же тихо отозвался Валера, и было слышно, как он шуршит гравием, отползая в укрытие.

Из темноты вышло нечто.

Сначала показались глаза — четыре пары, горящие неровным, дешевым светодиодным светом: два красных, два желтых, два синих и два зеленых, расположенные несимметрично, как будто их собирали из разных запчастей. Потом из мрака проступило тело — собачье, но неправильное, угловатое, с металлическими пластинами, прикрученными прямо поверх шкуры, с гидравлическими поршнями, заменявшими задние лапы, и с хвостом, который заканчивался не меховой кисточкой, а разъемом на четыре контакта.

Тварь была ранена. Её передняя лапа — единственная, кажется, настоящая, из плоти и крови — была разорвана, и из раны сочилась не только кровь, но и какая-то мутная, маслянистая жидкость, пахнувшая горелой проводкой. Тварь хромала, подволакивая поврежденную конечность, и тихо скулила — но скулила она не голосом, а помехами, транслируя на какой-то частоте сигнал боли.

За первой тварью из темноты выступили еще три. И еще пять. И еще десяток, так что вскоре всё пространство вокруг «Газели» заполнилось светящимися разноцветными глазами и тихим, потрескивающим, электронным скулежом.

Стая падальщиков. Киборгизированных гиен-беспилотников, которые, судя по их виду, питались не только органикой, но и металлом, и электричеством, и всем, что можно разобрать на запчасти.

Вера перехватила резак поудобнее. Анна, присевшая у операционного поля, медленно, очень медленно положила скальпель и посмотрела на раненую тварь. Маша, всё еще держащая капельницу, замерла, но не издала ни звука. Паша за колесом, кажется, перестал дышать.

И в этой тишине раненый падальщик снова заскулил — жалобно, протяжно, транслируя в эфир такой чистый, такой беззащитный сигнал боли, что Анна, повинувшись какому-то древнему, базовому инстинкту, который был сильнее страха и сильнее разума, медленно поднялась с колен, взяла скальпель и сделала шаг навстречу твари.

— Ты что делаешь? — прошипела Вера. — Анна, это хищник! Они нас сожрут!

— Это пациент, — ответила Анна, и в этом слове было столько железобетонной уверенности, что Вера, которая за двадцать лет службы не отступала ни перед кем, внезапно опустила резак. — Ты слышишь, Вера? Он скулит. Он просит о помощи. И плевать, что у него вместо лап гидравлика. У него есть болевой сигнал. Этого достаточно.

Тварь посмотрела на Анну. Четыре пары глаз сфокусировались на её руках, на скальпеле, на окровавленном фартуке — и внезапно, каким-то непостижимым образом, стая расступилась.

Анна опустилась на колени перед раненым падальщиком и начала операцию.

5. Операция «Бублик»

Анна работала при свете четырех налобных фонарей, которые Вера раздала команде, и еще двух аварийных ламп из комплекта «Газели». Сумрачное фиолетовое свечение подземелья давало какой-то свет, но его было недостаточно для точной работы, поэтому операционное поле напоминало маленький островок яркого, резкого света посреди океана темноты.

Раненый падальщик лежал на боку, и Анна, вскрыв ему поврежденную конечность, внезапно поняла то, что не могли понять местные — если они вообще существовали. Проблема была не в разорванной лапе. Проблема была глубже, системнее, она пряталась в сочленении между органической частью и механической, в том месте, где живая кость соединялась с титановым штифтом. Соединение воспалилось, загноилось и пережало магистральную гидролинию, которая питала всю заднюю часть тела существа. Давление в системе выросло до критического, и в результате лопнул самый слабый сосуд — тот, что проходил в передней лапе.

Местный подход, как Анна поняла уже позже, заключался в том, чтобы просто ампутировать всё, что сломалось, и прикрутить вместо этого грубый протез. Местные техножрецы, с которыми им еще предстояло столкнуться, не лечили — они заменяли. Они не видели организм как единое целое, они видели набор деталей, каждую из которых можно выкинуть и поставить новую. И это работало — какое-то время. Пока не начинало болеть в другом месте, и тогда меняли следующую деталь. И следующую. До тех пор, пока от исходного организма не оставалось ничего, кроме мозга в металлической коробке.

Анна же видела не детали. Анна видела систему. И сейчас эта система кричала ей о том, что воспаление в сочленении нужно убрать, гидролинию нужно прочистить, а поврежденный сосуд — зашить, а не удалить.

— Маша, тонометр на органическую артерию, — скомандовала она, и её голос звучал так же, как там, наверху, на трассе, когда она оперировала Гектора. — Давление в органике должно быть не выше ста двадцати на восемьдесят, давление в гидравлике — не выше трех атмосфер. Если я правильно понимаю эту анатомию, сердце у него одно, и качает оно и кровь, и гидравлическую жидкость одновременно. Гениально, кстати. И очень глупо с точки зрения эволюции.

— Ты понимаешь эту анатомию? — тихо спросил Паша, который держал фонарик, на этот раз совершенно не дрожа. Страх перед стаей заставил его забыть о собственной неуверенности. — Ты видишь это в первый раз в жизни.

— А ты видишь нового босса в своей видеоигре в первый раз в жизни и при этом знаешь, куда ему бить, чтобы нанести критический урон, — ответила Анна, не отрываясь от работы. — Это то же самое. Организм — он и есть босс. Всегда один и тот же принцип. Всегда одни и те же законы. Кровь течет по кругу, энергия распределяется по магистралям, отходы выводятся через фильтры. Разница только в том, что у этого конкретного организма магистрали металлические, а фильтры — электромагнитные. Но суть та же.

Паша задумался над этим сравнением, а потом вдруг спросил:

— А можно я попробую перезапустить локальный контур охлаждения? У него, кажется, перегрелся процессор в задней части черепа. Я такое в «Киберпанк Ветеринар» видел, там был похожий сайд-квест с киберпсом.

— «Киберпанк Ветеринар», — повторила Анна с таким выражением лица, будто пробовала это словосочетание на вкус. — Я даже спрашивать не буду, существует ли такая игра на самом деле или ты её выдумал. Если можешь перезапустить контур охлаждения и не навредить пациенту — перезапускай. Маша, следи за его температурой. Если пойдет вразнос — гасите.

Паша, вдохновленный разрешением, нырнул куда-то к голове падальщика и начал что-то делать с его светодиодными глазами, бормоча себе под нос термины, которые Анна пони-

мала через слово: «реконфигурация биоса», «сброс до заводских настроек», «принудительное охлаждение через дампы памяти».

Валера, который всё это время сидел у колеса и наблюдал за операцией, вдруг поднялся, подошёл ближе и заглянул в операционное поле. Его руки всё еще дрожали, но в глазах зажглось что-то новое — не пьяный кураж и не похмельная апатия, а тот самый профессиональный азарт, который Анна уже видела, когда он говорил про ступичный подшипник.

— У него уплотнитель в клапане разохся, — сказал Валера, ткнув пальцем в гидролинию. — Видите, вот тут, масло подтекает? Это не от давления лопнуло, это прокладка дубовая. Её менять надо. У меня в гараже таких прокладок — целый ящик, я их из старых тракторов выковыриваю, они там из силикона, вечные почти. А здесь, — он огляделся, — здесь силиконовых прокладок, подозреваю, не достать. Но можно заменить.

— Чем? — спросила Анна, хотя уже догадывалась, что он сейчас скажет.

— Да вон, — Валера кивнул на дверь «Газели». — Уплотнитель дверной. Он из силикона. Если отрезать кусок аккуратно, на работу клапана хватит.

Вера посмотрела на дверной уплотнитель, потом на Валеру, потом на Анну. Анна кивнула.

— Режь, — сказала она. — Только аккуратно. Если испортишь дверь, Вера тебя прибьет.

— Не прибью, — сказала Вера, не оборачиваясь. — Если он починит эту тварь и стая нас не сожрет, я ему лично дверной уплотнитель с пассажирской стороны отрежу.

Валера, вооружившись обломком ножа и собственными, всё еще трясущимися руками, принялся за работу. И тут произошло то, что позже, много дней спустя, сидя у костра, команда будет вспоминать как первый признак того, что Валера действительно гений. Как только его пальцы коснулись металла, дрожь ушла. Не уменьшилась, не стала менее заметной — ушла совсем, словно её и не было. Его движения стали точными, выверенными, практически хирургическими. Он отрезал кусок силикона, обработал его края, примерил к клапану, снял фаску, подогнал так, что зазора не осталось совсем, и вставил на место.

— Готово, — сказал он, отступая. — Теперь еще лет десять проработает, если масло нормальное зальете. У вас масло-то есть?

— Есть, — сказал Маша, не отрываясь от мониторинга. — Вернее, была. Из разбитого амортизатора «Газели» вытекла жидкость. Я её собрала в пустую банку из-под физраствора. Амортизаторная — она и есть гидравлическая, просто слабее. Для клапана сгодится.

— Сгодится, — кивнул Валера. — Лишь бы не подсолнечное. Подсолнечное я уже пробовал, оно выкипает на третьем часу.

Операция длилась еще около часа, и к концу её стая падальщиков, всё это время сидевшая вокруг светового пятна в полной неподвижности, начала проявлять признаки беспокойства. Но не агрессивного — скорее, тревожного, выжидающего. Они смотрели на руки Анны, на ловкие пальцы Маши, которая перезапустила капельницу, на Пашу, который действительно перезагрузил контур охлаждения, и на Валеру, который теперь сидел в сторонке и молча разглядывал свои руки с таким видом, словно видел их впервые в жизни.

Наконец Анна наложила последний шов — на органическую часть, потому что механическую зашивать было нельзя, она требовала сварки, а сварочного аппарата у них не было, — и выпрямилась, разминая затекшую спину.

— Всё, — сказала она. — Этот пациент будет жить. Остальное — на совести его регенерации.

Падальщик открыл глаза. Все четыре пары загорелись ровным, спокойным светом, без прежнего лихорадочного мерцания. Он поднял голову, принялся, потом осторожно, очень осторожно лизнул Анну в руку — и это был не укус хищника, а благодарный жест выздоравливающего зверя.

Стая, словно по команде, отступила назад, в темноту, и растворилась в ней, оставив после себя только тихий, затихающий шелест металлических лап по камню.

Но раненый падальщик не ушел. Он остался лежать у колеса «Газели», положив голову на лапы, и смотрел на Анну с выражением, которое Маша позже охарактеризовала одним словом: «преданность».

— Кажется, у нас появился охранник, — сказала Вера, убирая резак.

— Или талисман, — добавил Паша, глядя на падальщика с нескрываемым восторгом. — Я предлагаю назвать его Бублик.

— Почему Бублик? — спросила Маша.

— Потому что у него хвост закручен, как бублик, — ответил Паша. — И еще потому, что я очень хочу есть, а бублики — это единственная еда, о которой я сейчас могу думать без тошноты.

Бублик, словно поняв, что речь идет о нем, поднял голову и издал тихий, вибрирующий звук, отдаленно похожий на мурлыканье.

Имя прилипло.

6. Кибер-Костоправы и Легенда

Они сидели у костра, которого, строго говоря, не было — потому что в этом подземном мире не росло деревьев, а значит, нечему было гореть, — но Валера, проявив новую грань своего таланта, соорудил из обломков «Газели» и какого-то местного металлолома примитивный обогреватель, который светился ровным, уютным оранжевым светом и давал достаточно тепла, чтобы можно было снять верхнюю одежду.

Гектор, пес, с которого всё началось, лежал рядом с Бубликом, и это было самое странное зрелище из всех возможных: чистокровный рыжий дог, всё еще не оправившийся от операции, и огромный киборг-мутант, который подставил ему свой металлический бок в качестве грелки. Бублик, кажется, принял Гектора за щенка и теперь добросовестно его опекал, изредка обнюхивая и тихо урча на своей странной, электронно-механической частоте.

Анна, сидевшая на ящике с медикаментами, смотрела на эту сцену и молчала. Вера, заметив это, подошла и села рядом, протянув ей кружку с горячей водой — единственное, что они могли себе позволить после того, как запасы чая и кофе погибли вместе с термосом.

— О чем думаешь? — спросила Вера.

— О том, что мы не довезли Гектора до клиники, но при этом он жив, — ответила Анна, принимая кружку. — О том, что мы сбили алкаша, который оказался гениальным механиком. О том, что я только что оперировала кибернетический организм, не имея ни малейшего представления о кибернетике, но при этом операция прошла успешно. И о том, что мы провалились под землю непонятно куда и непонятно к кому, но до сих пор живы. Очень много мыслей, Вера. Слишком много для одного вечера.

— Это не вечер, — сказала Вера, посмотрев на часы. — Часы встали. Все. И телефоны, и браслет Паши, и тахометр в машине. Я не знаю, сколько мы здесь находимся. Может, час. Может, сутки. Может, неделю. Время здесь не работает.

— Тогда у нас нет графика, — неожиданно улыбнулась Анна, и эта улыбка была такой редкой, такой неожиданной, что Вера замерла. — Мы не опаздываем на вызов, мы не торопимся в клинику, мы никому ничего не должны. У нас есть только мы, наши пациенты и этот чертов подземный мир.

— Мне нравится такой настрой, — сказала Вера, отпивая из своей кружки.

К ним подошла Маша, уставшая, с темными кругами под глазами, но всё еще сохраняющая на лице ту мягкую, успокаивающую полуулыбку, которая действовала на пациентов лучше любого седативного. Она села рядом с Анной, привалилась к её плечу и закрыла глаза.

— Гектор спит, — сказала она. — Бублик его сторожит. Паша пытается перепрощить свой фитнес-браслет, чтобы он ловил местные сигналы. Валера нашел у себя во внутреннем кармане флягу и теперь не знает, предлагать её остальным или выпить самому.

— Пусть предложит, — сказала Анна. — Сегодня все заслужили.

Валера, словно услышав её слова, подошел к костру и молча поставил флягу на ящик. Фляга была старой, выдавшей вида, с выгравированной на боку полустертой надписью «За технику безопасности».

— Это мой стратегический запас, — сообщил он. — На случай ядерной войны. Но, кажется, ядерная война уже случилась, просто мы её пропустили.

Он открутил крышку, разлил содержимое по кружкам — всем поровну, включая себя, — и поднял свою.

— Ну что, медики-ветеринары? — сказал он. — За новоселье?

— За новоселье, — повторила Вера.

— За пациентов, — сказала Маша.

— За то, чтобы выбраться отсюда живыми, — сказал Паша, который как раз подошел к огню, размахивая своим браслетом.

— За команду, — сказала Анна неожиданно для самой себя, и все повернулись к ней.

Анна редко говорила такие вещи. Она вообще редко говорила что-то, не касающееся работы. Но сейчас, в этом странном, чужом мире, в свете самодельного обогревателя, в окружении своей бригады, которая даже после провала под землю осталась её бригадой, она вдруг почувствовала то, чего не чувствовала уже много лет.

Принадлежность.

Они выпили. Даже Маша, которая вообще не пила, сделала крошечный глоток и сморщилась, но улыбнулась. Даже Паша, который боялся, что алкоголь ударит ему в голову, — сделал глоток и неожиданно для себя почувствовал, как спадает напряжение последних часов. Даже Валера, который ждал этого момента с самого пробуждения, выпил свою долю не залпом, а медленно, с чувством, как пьют только очень уставшие и очень заслужившие люди.

Первым заговорил Паша. Он сидел, скрестив ноги, и вертел в руках свой браслет, который теперь, после его экспериментов, светился не привычным белым, а странным, переливчатым синим цветом.

— Я тут подумал, — сказал он. — У каждой команды должно быть название. Ну, знаете, как в играх. Или как в книгах. Что-то крутое, запоминающееся. Чтобы враги боялись, а союзники узнавали.

— И какое ты предлагаешь? — спросила Вера с легкой усмешкой.

— «Кибер-Костоправы», — сказал Паша, и по его лицу было видно, что он давно это придумал и теперь просто ждал подходящего момента. — Потому что мы лечим кости. И свои, и чужие. И органические, и металлические. И вообще, мы вправляем мозги этому миру.

— «Кибер-Костоправы», — повторила Анна, пробуя слово на вкус, и неожиданно кивнула. — Мне нравится. Это лучше, чем «Вет-Аид». Меньше пафоса, больше сути.

— Я записываю, — сказала Маша, хотя никаких записей она, конечно, не вела. Но её голос звучал так тепло, что никто не усомнился: «Кибер-Костоправы» — теперь официальное название их бригады.

Потом Валера заговорил о подвеске. О том, что «Газель» нужно поднимать, что колеса целы, но оси погнуты, что кардан треснул, но его можно заварить, если найти источник тока достаточной мощности. Он говорил долго, увлеченно, и в его голосе не было ни капли того пьяного бормотания, которое они слышали на дороге. Это был голос мастера, который оказался в своей стихии, и стихия эта состояла из металла, масла и бесконечных, неразрешимых, но оттого еще более интересных технических задач.

— Ты только скажи, — говорил Валера, обращаясь к Вере, — ты только скажи, что тебе нужно от этой машины. Ехать? Будет ехать. Летать? Ну, летать, наверное, пока не смогу, но если найти антиграв — сделаем. Стрелять? Прикрутим что-нибудь. У меня в гараже был огнемёт, самодельный, на основе мойки высокого давления...

— У тебя в гараже был огнемёт? — перебила Вера, и в её голосе было больше уважения, чем удивления.

— Ну да, — Валера пожал плечами. — А что такого? У каждого уважающего себя слесаря должен быть огнемёт. На случай, если осы заведутся. Или коллекторы.

Все рассмеялись. Это был хороший смех — не истерический, не нервный, а самый обычный, человеческий, какой бывает у людей, которые пережили что-то страшное и внезапно поняли, что они всё еще живы, всё еще вместе и всё еще могут смеяться.

А потом из темноты донесся новый звук — на этот раз не скрежет, не цоканье и не электронный скулеж, а тяжелые, уверенные шаги. Кто-то шел к ним. Кто-то большой.

Вера поднялась первой, и её рука легла на плазменный резак. Бублик поднял голову, принюхался и вдруг завилял своим хвостом-противовесом так, что едва не снес ближайший ящик с медикаментами.

— Свои, — сказал Паша, который уже научился немного понимать язык тела киборгамутанта. — Он говорит, свои! Смотрите, он хвостом виляет!

Из темноты вышли люди.

Их было около десятка — высоких, жилистых, одетых в странную смесь лохмотьев и высокотехнологичных доспехов, которые выглядели так, словно их собрали из обломков космического корабля и автомобильной свалки одновременно. У некоторых были импланты — грубые, явно кустарные, врезанные прямо в плоть без всякой анестезии, если судить по шрамам. У других не было имплантов, но были татуировки, которые светились в темноте тем же фиолетовым светом, что и стены подземелья.

Впереди шел старик. Очень старый — на вид ему было не меньше восьмидесяти, — но прямой, как штык, и с глазами, которые смотрели на мир с той особенной, немигающей цепкостью, какая бывает только у тех, кто прожил долгую жизнь и не растерял по дороге ни ума, ни воли. Его левая рука была полностью механической — от плеча до кончиков пальцев, — но механика эта была не грубой, а тонкой, изящной, почти ювелирной работы, и двигалась она с плавностью живой конечности.

Старик остановился в трех шагах от костра и посмотрел на Анну. Долго, внимательно, словно сканируя её на каком-то недоступном обычному зрению уровне. Потом он перевел взгляд на Бублика, на его защитную лапу, на свежий шов и на силиконовую прокладку, торчащую из клапана, — и вдруг, неожиданно для всех, низко, почтительно поклонился.

— Мы видели, — сказал он на странном, ломаном, но вполне понятном русском языке. — Мы видели всё. Мы думали, вы демоны. Или боги. Или машины богов. Но вы не демоны. Вы лекари. Вы лечите тело. Всё тело. Не как они.

Он махнул механической рукой куда-то вверх, в темноту, и в этом жесте было столько старой, застарелой ненависти, что Анна сразу поняла: «они» — это враги. Возможно, те самые, кому принадлежали технологии, вживленные в тела этих людей.

— Мы — племя Отверженных, — продолжил старик. — Мы те, кого выбросили. Те, кого признали бракованными. Те, чьи импланты не прижились. Нас выкинули сюда, на нижние уровни, как мусор. Но мы выжили. Мы научились жить. И теперь мы видим вас.

Он сделал паузу, и в этой паузе было что-то ритуальное, почти священное.

— Вы будете нашими гостями. Вы будете нашими защитниками. Вы будете нашими... — он запнулся, подыскивая слово. — Костоправами. Мы слышали, как вы назвали себя. Это хорошее имя. Сильное имя.

Паша открыл рот, чтобы что-то сказать, но Вера незаметно толкнула его локтем, и он промолчал.

Анна поднялась с ящика, одернула фартук, всё еще испачканный кровью и гидравлической жидкостью, и шагнула навстречу старику.

— Мы — ветеринарная скорая помощь, — сказала она медленно, чтобы он понял каждое слово. — Мы лечили животных. Теперь, похоже, мы будем лечить всех. Расскажите нам, что это за место. Расскажите, кто «они». И расскажите, как отсюда выбраться на поверхность.

Старик посмотрел на неё и вдруг улыбнулся — беззубо, но при этом так тепло и открыто, что Анна на мгновение забыла, что перед ней стоит вождь племени мутантов в подземном мире победившего киберпанка.

— Я расскажу, — сказал он. — Я расскажу всё. Но сначала — еда. И отдых. Вы устали. Вы лечили целый день. Вы заслужили отдых.

Он повернулся к своим людям и отдал короткую команду на языке, который Анна не поняла, но смысл которого был очевиден: несколько человек отделились от толпы и начали

расставлять вокруг костра плошки с едой — странной, но пахнувшей вполне съедобно, — и кружки с жидкостью, которая оказалась водой, чистой и холодной, словно из родника.

Анна хотела возразить, сказать, что им нужно немедленно понять, где они находятся и как вернуться, но Маша тронула её за локоть и тихо сказала:

— Ань, у нас пациент только что из операции. Гектор. И Бублик. И Паша, который не спал двое суток. И Валера, который всё еще пьян, если честно. Давай примем помощь. Просто в этот раз — давай примем.

Анна посмотрела на Машу, на её усталое, но спокойное лицо, на Веру, которая едва заметно кивнула, на Пашу, который уже тянулся к плошке с едой, на Валеру, который мирно посапывал, привалившись к колесу, — и вдруг поняла, что она действительно устала. Так устала, как не уставала никогда в жизни.

— Хорошо, — сказала она. — Мы принимаем помощь. Но завтра, — она посмотрела на старика, и в её взгляде мелькнула та самая сталь, за которую её прозвали «Снежной Королевой», — завтра мы начинаем разбираться, куда мы попали и как отсюда выбраться. Договорились?

— Договорились, — кивнул старик и протянул Анне плошку с едой.

Анна взяла её, села обратно на ящик и начала есть. Еда была странной на вкус — не то грибы, не то водоросли, не то вообще что-то синтетическое, — но горячей и сытной, и это было именно то, что нужно после дня, который начался на обычной подмосковной трассе, а закончился в подземном мире, где стаи киборгов-падальщиков приходят к людям за помощью, а люди оказываются вовсе не людьми.

Бублик подошел к ней и лег рядом, положив голову ей на колени. Анна на секунду замерла, а потом, сама себе удивляясь, начала гладить его по ржавому лбу. Он тихо заурчал, и этот звук был, пожалуй, самым успокаивающим из всего, что она слышала за последние сутки.

Вера села рядом, положив плазменный резак на колени, и молча смотрела в темноту. Маша устроилась с другой стороны, всё еще держа руку на пульсе Гектора, хотя в этом уже не было необходимости — пес дышал ровно и спокойно, и его сердце билось в нормальном ритме. Паша, наевшись, заснул прямо на земле, свернувшись калачиком, и Бублик, покосившись на него, придвинулся поближе, закрывая его от сквозняка.

А старик сидел напротив и молча смотрел на них, и в его глазах читалось что-то среднее между надеждой и молитвой — так смотрят люди, которые очень долго ждали чуда и наконец его дождались.

Где-то далеко-далеко, на поверхности, которую никто из них пока не видел, высились Сияющие Башни «НейроСинта» — корпорации, которая правила этим миром, заменяя живое механическим, а органическое — синтетическим. Там, наверху, техножрецы перебирали свои инструменты и готовились к очередной рабочей смене, не подозревая, что глубоко под их ногами, на нижних уровнях, только что начала работу маленькая ветеринарная клиника на колесах.

И эта клиника еще скажет свое слово.

Но это будет завтра.

А сегодня — еда, тепло, тишина и тяжелая голова Бублика на коленях у Анны, которая впервые за много лет позволила себе просто сидеть и никуда не спешить.

Глава 2. «Племя Отверженных»

1. Пробуждение под землёй

Анна проснулась не от звука и не от света — звуков здесь почти не было, а свет никогда не менялся, оставаясь всё тем же рассеянным, биолюминесцентным, фиолетово-зелёным полумраком, — а от вибрации. Та самая низкая, ритмичная пульсация, которую она впервые ощутила ещё там, наверху, когда асфальт под колёсами «Газели» начал трескаться и уходить из-под колёс, теперь проходила сквозь землю, сквозь камень, сквозь тело, отзываясь где-то глубоко в костях, как басовая нота огромного органа, спрятанного в толще породы.

Она полежала ещё минуту, привыкая к этому ощущению и заодно проверяя собственное тело: голова болела, но не так, как вчера, спина ныла после сна на жёстком, но позвоночник был цел, руки слушались, пальцы сгибались без боли. Жить можно. Анна села, сбрасывая с себя кусок брезента, которым её кто-то заботливо укрыл ночью, и обнаружила, что Бублик лежит рядом, привалившись к ней тёплым металлическим боком, и смотрит на неё своим единственным органическим глазом — красный оптический сенсор был выключен, и от этого морда киборга-мутанта казалась почти обычной, почти собачьей.

— Доброе утро, — сказала Анна, и Бублик в ответ завилял своим хвостом-противовесом с такой силой, что едва не снёс стоявший рядом ящик с уцелевшими медикаментами. Пришлось придержать ящик рукой и одновременно уворачиваться от попытки лизнуть её в лицо. — Тихо, тихо, разбудишь всех.

Но все уже проснулись. Или почти все.

Маша сидела на корточках рядом с Гектором и тихо разговаривала с псом, проверяя его зрачки, пульс и температуру. Гектор, всё ещё слабый после операции, лежал на импровизированной подстилке из обрывков брезента и смотрел на Машу с тем выражением глубокой, беззаветной благодарности, какое бывает только у спасённых животных. Он даже попытался вильнуть хвостом, но сил хватило только на слабое шевеление.

— Температура в норме, — доложила Маша, заметив, что Анна проснулась. — Пульс ровный, дыхание чистое. Шов сухой, воспаления нет. Если бы мы были в клинике, я бы сказала, что через неделю можно выписывать.

— Но мы не в клинике, — сказала Анна, подходя и присаживаясь рядом. — Мы под землёй непонятно где, и я до сих пор не понимаю, как нам удалось провести полостную операцию в падающей машине. Дай посмотрю шов.

Она осмотрела работу — свою работу, сделанную вчера в полутьме, на ходу, под крики Веры и грохот проваливающегося асфальта, — и удовлетворённо кивнула. Шов был ровным, чистым, без признаков расхождения или инфекции. Если бы Анна верила в чудеса, она бы сказала, что это чудо. Но она верила только в свои руки, и её руки её не подвели.

— Жить будет, — сказала она. — Маша, ты молодец. Если бы ты не держала капельницу всё это время, ничего бы не вышло.

Маша улыбнулась — всё той же мягкой, кошачьей полуулыбкой, которая действовала на людей и животных лучше любого успокоительного, — и пожала плечами.

— Я просто делала свою работу, Ань. Как и ты.

Вера уже не спала — она стояла чуть поодаль, осматривая «Газель» с таким выражением лица, с каким, наверное, смотрят на старого боевого товарища, получившего тяжёлое ранение: будет жить, но предстоит долгая и мучительная реабилитация. Машина лежала на боку, колёса смотрели в пустоту, кардан был треснут, задняя ось погнута, а кузов покрывала сеть вмятин и царапин, оставленных падением сквозь реальность.

— Ну? — спросила Анна, подходя.

— Жива, — сказала Вера, и в этом слове было куда больше нежности, чем можно было ожидать от бывшей военной медсестры. — Зверь живучий. Рама цела, двигатель заводится, я проверяла. Но кардан — под замену, задний мост — рихтовать и варить, колесо — менять ступицу. И это только то, что я вижу снаружи. Подозреваю, что внутри ещё веселее.

— А где Валера? — спросила Анна. — Ему бы посмотреть. Он вчера обещал.

— Валера твой, — Вера усмехнулась, — ещё дрыхнет. Я его будить не стала. У него вчера был тяжёлый день: сначала его сбила машина, потом он чинил гидравлику киборгу-мутанту, а потом пил медицинский спирт из твоих запасов. Дай человеку отдохнуть.

— Медицинский спирт был выдан в терапевтических целях, — сухо заметила Анна.

— Ну да, — Вера хмыкнула. — Терапия была успешной. Пациент перестал трястись и начал генерировать гениальные идеи. По-моему, это лучший терапевтический эффект в моей практике.

Валера действительно спал — прямо на земле, подложив под голову промасленную телогрейку и укрывшись какой-то местной дерюгой, которую ему вчера выдали Отверженные. Он похрапывал, причмокивал во сне и временами бормотал что-то про «допуски и посадки» и «надо бы проточить канавку». Его руки, даже во сне, слегка подрагивали, но теперь Анна знала: стоит ему взять в руки инструмент, и дрожь уйдёт.

Паша не спал. Он сидел в стороне от лагеря, на обломке какой-то бетонной плиты, и сосредоточенно тыкал пальцем в свой фитнес-браслет. Экран браслета светился тем самым синим светом, который появился вчера после его экспериментов, и на нём бежали строки какого-то кода, непонятного Анне, но явно осмысленного.

— Паша, — окликнула его Анна. — Ты вообще спал?

— А? — Паша поднял голову, и по его красным глазам стало ясно: не спал. — Я пытался поймать местную сеть. У них тут что-то вроде вайфая, но он не совсем вайфай. Он идёт прямо сквозь камень, на какой-то низкой частоте. И знаете что? Я начал понимать протокол.

— Протокол? — переспросила Вера, подходя ближе.

— Ну да. Данные, которые тут летают. Они похожи на медицинские. Типа, телеметрия. Пульс, температура, давление в гидравлике... я пока не всё разобрал, но это явно сигналы от имплантов. Они все тут на связи. Весь этот подземный мир — он как одна большая больница, только без врачей.

Анна переглянулась с Верой. Это было интересно. И тревожно одновременно.

— Ты хочешь сказать, что все импланты в телах этих людей транслируют данные? — спросила Анна. — В открытую? Без шифрования?

— Ну... — Паша замялся. — Шифрование есть, но оно какое-то древнее. Как от дешёвого фитнес-трекера. Мой браслет его взломал за полторы минуты.

— То есть ты сейчас, сидя на камне с браслетом за две тысячи рублей, читаешь медицинские данные всего поселения? — уточнила Вера.

— Ну... да?

Вера посмотрела на Анну долгим взглядом. Анна ответила ей таким же.

— Это оружие, — тихо сказала Вера. — Информационное оружие. Мы можем диагностировать людей на расстоянии. Без осмотра. Без приборов.

— Не торопись, — остановила её Анна. — Сначала нужно понять, что именно мы видим и насколько этим данным можно доверять. Паша, покажи мне, что у тебя получается. Но позже. Сейчас — общий сбор.

Она оглядела свой маленький отряд: Маша, всё ещё сидящая рядом с Гектором; Вера, уже положившая руку на плазменный резак, словно ожидая нападения; Паша с его светящимся браслетом и красными от недосыпа глазами; спящий Валера, который даже во сне не расста-

вался с гаечным ключом; и Бублик, занявший стратегическую позицию между лагерем и темнотой.

Пятеро человек. Один пёс. Один киборг-мутант. Разбитая «Газель» и несколько ящиков уцелевших инструментов.

И целый враждебный мир вокруг.

— Так, — сказала Анна. — У нас есть работа. Вера — продолжаешь осмотр машины, мне нужен полный список повреждений. Маша — Гектор и инвентаризация аптечки, всё, что уцелело, разложить и переписать. Паша — продолжаешь копаться в местных сигналах, но только после того, как поешь. И поспишь хотя бы час. И Валера...

— А Валера что? — раздался хриплый голос откуда-то с земли.

Валера проснулся. Он сел, почесал щетинистый подбородок, поморгал, глядя на фиолетовое свечение, которое заменяло здесь небо, и выдал фразу, которая мгновенно сняла всё напряжение:

— А похмелиться у нас ещё есть, или вчера всё выпили?

— Есть, — сказала Анна, невольно усмехнувшись. — Но сначала — ты осмотришь машину вместе с Верой. И скажешь мне, что нужно, чтобы поставить её на колёса и заставить ехать.

— Обижаешь, начальница, — Валера поднялся, кряхтя и разминая затёкшие плечи. — Не «что нужно», а «сколько времени». Нужно-то мне всего ничего: кузнечный горн, сварочный аппарат, токарный станок и пара прямых рук. У меня как раз две прямых, проверено.

Он продемонстрировал свои руки, которые с утра тряслись меньше обычного — то ли вчерашняя операция пошла на пользу, то ли просто проснулся в хорошем настроении.

— Станка у нас нет, — сказала Вера. — Горна тоже. Сварка — может быть, если местные дадут источник тока. Руки — твои, сам сказал. Справишься?

— А куда я денусь, — вздохнул Валера и, подхватив свой выдавший виды инструментальный ящик, который он каким-то чудом не потерял при падении, направился к «Газели».

Анна смотрела ему вслед и думала о том, как странно иногда работает судьба. Ещё вчера этот человек валялся пьяным на обочине, а сегодня он — их главный инженер. Без него машина не поедет. Без него Бублик остался бы без силиконовой прокладки в клапане. Без него они, возможно, уже были бы мертвы.

— Ань, — окликнула её Маша. — Там старик идёт. Который вчера нас приютил.

Анна обернулась. Кир, старейшина Отверженных, шёл к их лагерю той же прямой, твёрдой походкой, что и вчера. Его механическая рука поблёскивала в сумраке, а глаза смотрели цепко, оценивающе, но без враждебности.

— Выспались? — спросил он, подходя. — Я велел не тревожить вас до пробуждения. Но теперь, когда вы отдохнули, я хочу просить о помощи.

— О какой? — спросила Анна, хотя уже знала ответ.

— Мои люди больны, — сказал Кир, и в его голосе прозвенела та особая, сдержанная боль, какую способны испытывать только те, кто привык терять. — Многие. Вы вчера помогли зверю. Помогите и нам.

2. Обход

Поселение Отверженных располагалось в огромной естественной пещере, каких, наверное, никогда не существовало на Земле — по крайней мере, на той Земле, которую знала Анна. Потолок терялся в фиолетовой дымке, стены уходили в темноту, и где-то там, в этой темноте, гудели и пульсировали невидимые механизмы, питавшие жизнью весь этот подземный мир.

Жилища Отверженных были вырезаны прямо в камне — не то руками, не то какими-то древними машинами, которые давно вышли из строя. Входы в пещерки завешивались кусками технической ткани, пластиковыми панелями, обрывками кабелей, сплетённых в подобие циновок. Вдоль стен тянулись трубы, по которым текла вода — горячая, судя по пару, поднимавшемуся над ними, и пахнущая металлом. Где-то капало, где-то гудело, где-то мерно щёлкало какой-то автоматический регулятор, оставшийся от прежних хозяев этих уровней.

Люди — мужчины, женщины, дети — выходили из своих жилищ и смотрели на Анну с тем выражением, которое она слишком хорошо знала: смесь надежды, страха и отчаяния. Так смотрят на врача те, кто уже потерял веру в медицину, но ещё не потерял веру в чудо.

— Сколько у вас людей? — спросила Анна, когда они с Машей и Киром проходили через центральную часть поселения.

— Сто сорок три, — ответил Кир. — Было сто шестьдесят два в прошлом году. Остальные умерли.

— От чего?

— От всего, — Кир пожал плечами, и его механическая рука издала тихий жужжащий звук. — Инфекции, отказы имплантов, несчастные случаи на охоте. У нас нет врачей. У нас был только Зак.

Он произнёс это имя с той особенной интонацией, которая говорила яснее любых слов: Зак — это не решение, Зак — это часть проблемы. Анна запомнила это имя, но комментировать не стала.

— Я осмотрю всех, кого смогу, — сказала она. — Но взамен мне нужно две вещи. Первое: энергия. Моим людям нужен источник тока, чтобы варить металл. Второе: информация. Всё, что вы знаете об этом мире — его устройство, его история, его хозяева. Вы расскажете мне это.

— Справедливо, — кивнул Кир. — Я расскажу. Но сначала — больные.

Первого пациента Анна осматривала прямо у входа в его жилище. Молодой охотник, лет двадцати пяти на вид, крепкий, жилистый, с грубым, явно кустарным имплантом правого глаза. Глаз светился жёлтым, и свет этот был неровным, мерцающим, как лампа с плохим контактом. Парень сидел на камне и держался за голову обеими руками, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Припадки, — сказал он сквозь зубы. — Каждый день. Иногда по два, по три раза. Зак говорит, надо менять глаз. Вырезать и ставить новый. Но у нас нет нового. И ставить некому, Зак не умеет, он только говорит.

Анна наклонилась, вглядываясь в шов вокруг импланта. Шов был грубым, сделанным явно не хирургом, а кем-то, кто привык работать с металлом, а не с плотью. Края раны разошлись, и сквозь них виднелся рубец — плотный, бугристый, пережимающий тонкую нить органического зрительного нерва, который уходил куда-то вглубь глазницы, к самому мозгу.

— Проблема не в глазе, — сказала Анна, выпрямляясь. — Глаз рабочий. Проблема в рубце. Он пережимает нерв, и когда ты двигаешь глазом, рубец натягивается и вызывает разряд. Это как эпилепсия, только не в мозгу, а на периферии.

— Можно починить? — спросил охотник, и в его голосе прозвенела такая надежда, что Маша, стоявшая рядом, невольно взяла его за руку.

— Можно, — сказала Анна. — Нужно вскрыть шов, иссечь рубец и зашить заново, правильно, без натяжения. Это микрооперация. Мне нужен свет, инструменты и двадцать минут.

— А глаз? — не понял охотник. — Глаз не надо менять?

— Глаз не надо трогать. Он здоров.

Охотник заплакал. Молча, без всхлипов — просто слёзы потекли по его щекам, и Анна, которая за свою практику повидала всякое, на мгновение отвернулась, чтобы дать ему время справиться с собой. Люди плачут по-разному: кто-то от боли, кто-то от страха, а кто-то — от облегчения, когда им говорят, что их не будут резать на части и заменять детали, как в сломанном механизме.

— Готовьте операционное поле, — сказала Анна Маше. — Здесь света достаточно, инструменты у нас с собой. Начинаем.

Операция заняла двадцать три минуты. Анна работала медленно и осторожно — глаз есть глаз, даже если он кибернетический, и одно неверное движение могло стоить пациенту не только импланта, но и органического зрения, которое у него ещё оставалось. Рубец был плотным и глубоким, но опытные пальцы Анны нашли его границы, отделили от нерва и иссекли без единого лишнего разреза. Потом она наложила шов — ровный, аккуратный, такой, каким гордилась бы любая клиника наверху, — и отступила, разминая затёкшие пальцы.

— Готово. Не мочить, не тереть, не чесать. Швы снимем через неделю.

Охотник открыл глаз — здоровый, органический, тот, что не был заменён имплантом, — и посмотрел на Анну. Потом перевёл взгляд на Машу. Потом на Кира. Мерцание импланта прекратилось: ровный, спокойный жёлтый свет горел теперь без перебоев.

— Не болит, — сказал он с таким удивлением, будто сообщал о чуде. — Голова не болит. Вообще.

— Так и должно быть, — сказала Анна, собирая инструменты. — Если заболит снова — придёшь. Меня зовут Анна.

— Меня — Ржавый, — сказал охотник, и в его голосе прозвучала та особая, угловатая благодарность, какая бывает у людей, не привыкших благодарить словами. — Я ваш должник, Анна. Если понадобится охотник — позовите.

— Понадобится еда, — сказала Анна, не оборачиваясь. — И вода. Этого пока достаточно.

Дальше пошли другие пациенты, и Анна с Машей провели в обходе несколько часов. Женщина с механической рукой — проблема оказалась в атрофии мышц плеча, не в механике. Маша показала ей упражнения, простые, но эффективные: сгибать и разгибать, поднимать и опускать, нагружать мышцу постепенно, не давая ей окончательно усохнуть. Женщина повторяла движения, и её лицо светлело с каждым разом.

— Зак сказал, что руку нужно менять, — сказала она тихо. — Говорил, что мышцы уже не восстановить и проще поставить сервопривод.

— Зак — не врач, — ответила Анна. — Он механик. А ты — не машина. Твои мышцы живые, им просто нужна работа. Будешь делать упражнения каждый день — через месяц рука будет сгибаться полностью.

Ребёнок с двойным дыханием — органические лёгкие и механические жабры, доставшиеся ему от матери-мутантки. Лёгкие и жабры работали несинхронно, и мальчик задыхался при малейшей нагрузке, не мог бегать, не мог играть, не мог даже громко смеяться без того, чтобы не закашляться до синевы. Анна осмотрела его долго и внимательно, а потом подозвала Пашу, который как раз закончил свои эксперименты с браслетом и пришёл помочь.

— Ему нужен водитель ритма, — сказала Анна. — Как кардиостимулятор, только для дыхания. Маленький импульс, который синхронизирует лёгкие и жабры в одном ритме. Твой браслет может такое?

Паша посмотрел на браслет, потом на мальчика, потом снова на браслет.

— Теоретически — да. Но для этого его нужно перепрошить полностью. Он перестанет быть фитнес-трекером и станет медицинским прибором.

— Он и так уже не фитнес-трекер, — заметила Анна. — После твоих вчерашних экспериментов.

— Это да, — Паша улыбнулся. — Тогда я попробую. Только мне нужен будет внешний электрод, чтобы подавать импульс прямо на нерв. И батарейка. Местная батарейка, потому что моя почти села.

— Батарейку найдём, — сказала Вера, которая как раз проходила мимо с какой-то железкой в руках. — Тут этого добра — как грязи. Валера уже наковырял целую кучу всяких аккумуляторов из местного мусора. Говорит, некоторые ещё живые.

Через час Паша, вооружившись браслетом, куском медной проволоки, найденной Валерой в обломках «Газели», и старым литий-ионным аккумулятором, который он выпросил у местных, соорудил портативный синхронизатор дыхания. Он закрепил браслет на запястье мальчика, приложил электрод к тому месту на шее, где, по его расчётам, проходил нервный узел, соединяющий органическую и механическую части дыхательной системы, и запустил программу.

Браслет пискнул, мигнул синим, и по экрану побежали строки данных: пульс, частота дыхания, электрическая активность нерва. Мальчик вздрогнул, закашлялся, а потом вдруг сделал глубокий вдох — полный, свободный, такой, какого у него не было никогда в жизни.

— Дышится, — сказал он тихо, словно боясь спугнуть это ощущение. — Легко.

Маша, стоявшая рядом, отвернулась, пряча слёзы. Анна положила руку на плечо Паши и сжала — коротко, но сильно.

— Молодец, — сказала она. — Ты только что спас человека.

Паша покраснел до корней волос и пробормотал что-то про «обычную перепрошивку» и «ничего особенного», но было видно: он счастлив. Впервые за долгое время он сделал что-то, что имело значение.

Ближе к вечеру, когда Анна уже сбилась со счёта, сколько пациентов она осмотрела и скольких оперировала, Кир отвёл её в сторону и тихо сказал:

— Зак зол. Он говорит, что вы отнимаете у него работу. Что ваша магия — обман. Что вы не лечите, а калечите, просто это не видно сразу.

— Я не маг, — ответила Анна. — Я хирург. И моя работа видна сразу. Пусть Зак посмотрит на Ржавого. Или на мальчика с жабрами. Или на женщину с рукой. А потом пусть скажет мне в лицо, что я калечу.

— Он не скажет, — Кир покачал головой. — Он трус. Но трусы опасны, Анна. Они бьют в спину.

— Я учту, — сказала Анна и пошла к своему лагерю, где её ждали усталые, но довольные Вера, Маша, Паша, Валера и два хвостатых пациента, ради которых всё это, собственно, и началось.

3. Техножрец и урок анатомии

Зак пришёл на следующее утро.

Анна только закончила осматривать шов на лапе Бублика — заживало отлично, силиконовая прокладка держала, клапан работал ровно, — когда услышала тяжёлые шаги и лязг металла. Она подняла голову и увидела его.

Техножрец оказался моложе, чем она ожидала. Лет тридцать, может, тридцать пять. Высокий, худой, с неестественно прямой спиной — то ли импланты в позвоночнике, то ли просто мания величия. Его лицо было бы даже красивым, если бы не выражение: высокомерное, брезгливое, какое бывает у людей, которые считают себя умнее всех окружающих и не находят в этом никакого противоречия с реальностью. Обе его руки были механическими — от локтей до кончиков пальцев, — и механика эта была дорогой, качественной, совсем не похожей на кустарные импланты Отверженных.

За ним стояли четверо. Тоже с имплантами, тоже вооружённые, но их оружие было опущено, а лица выражали скорее любопытство, чем агрессию. Зак привёл не бойцов — Зак привёл зрителей.

— Ты, — сказал он, останавливаясь в трёх шагах от Анны и глядя на неё сверху вниз, хотя ростом они были примерно одного. — Ты та, кого они называют Костоправом.

— Кибер-Костоправом, — поправила Анна, не вставая. — И да, это я. А ты, полагаю, Зак.

— Меня называют техножрецом нижних уровней, — сказал он с нажимом, явно ожидая, что это произведёт впечатление.

— А меня — Снежной Королевой, — ответила Анна. — Но ты можешь звать меня просто Анной. Что тебе нужно?

Зак сверкнул глазами — и механическими, и органическими, потому что один его глаз тоже был заменён имплантом, светящимся холодным белым светом.

— Ты лечишь моих пациентов без моего разрешения, — сказал он. — Ты говоришь им, что импланты не нужно менять. Что органика важнее механики. Что тело — не машина.

— Тело — не машина, — согласилась Анна. — Это организм. Машина — это то, что ты в него вкручиваешь. И если ты вкручиваешь её неправильно, организм страдает. Я не говорю, что импланты не нужны. Я говорю, что их нужно ставить так, чтобы тело их принимало, а не отторгало. Это называется медицина, Зак. В отличие от того, чем занимаешься ты.

— Я занимаюсь совершенствованием, — отрезал Зак. — Органика слаба. Она болеет, стареет, умирает. Металл вечен. Замена органа на имплант — это шаг вперёд, а не назад.

— Замена здорового органа на имплант — это калечение, — сказала Анна, поднимаясь на ноги. — А замена больного органа на имплант без лечения причины болезни — это убийство, просто отсроченное.

Они стояли друг напротив друга — Зак со своими идеально отполированными механическими руками, Анна со своим скальпелем в нагрудном кармане и с Бубликом, который тихо рычал у её ног, — и воздух между ними искрил напряжением.

— Давай проверим, — внезапно сказал Зак, и его губы растянулись в холодной усмешке. — Давай проверим, чей метод лучше. Прямо сейчас. При всех.

Он обернулся и махнул рукой. Двое из его свиты выволокли из темноты небольшого падальщика — такого же, как Бублик, но раза в полтора меньше, совсем молодого, судя по размерам. Его задняя лапа была раздроблена — кость торчала наружу, и кровь смешивалась с гидравлической жидкостью, образуя на полу липкую тёмную лужу.

— Перелом, — констатировал Зак. — Открытый, осколочный. Лапа не восстановится. Мой метод: ампутация и протез. Твой метод?

Анна подошла к падальщику, присела на корточки, осмотрела рану. Молодой зверь скулил — не электронными помехами, как Бублик, а самым обычным, живым, щенячьим скулежом, от которого у Маши, наблюдающей за сценой от «Газели», сжалось сердце.

— Кость цела, — сказала Анна, выпрямляясь. — Трещина без смещения. Осколки поверхностные. Если зафиксировать конечность и дать покой — срастётся за месяц. Ампутация не нужна.

— Зафиксировать? — Зак расхохотался. — Чем? У нас нет гипса. У нас нет полимерных бинтов. У нас есть только металл!

Анна повернулась к своей команде. Вера уже стояла рядом, положив руку на плазменный резак. Маша и Паша подошли ближе. Валера, услышав шум, выбрался из-под «Газели», где он возился с карданом.

— Валера, — сказала Анна, — у нас в машине был аварийный набор. Там был баллончик монтажной пены.

— Был, — подтвердил Валера. — Я его вчера видел. Он, правда, помятый, но вроде целый.

— Тащи. И найди кусок пластиковой трубы. Или чего-то похожего.

— Трубу нашёл, — сказал Валера через минуту, возвращаясь с баллончиком монтажной пены в одной руке и обрезком пластиковой водопроводной трубы непонятного происхождения в другой. — Тут этого добра навалом. Местные, похоже, водопровод когда-то прокладывали, да бросили.

Анна взяла трубу, осмотрела, примерила к лапе падальщика — длина подходила идеально.

— Маша, бинты. Вера — свет. Паша — держи зверя за голову, он молодой, может испугаться. Валера — пену.

Операция началась. Анна вправила кость — короткое, точное движение, которое она делала тысячи раз, — и зафиксировала её трубой, надрезанной вдоль и раскрытой, как лубок. Потом она велела Валере заполнить пространство между трубой и лапой монтажной пеной, которая расширилась, застыла и превратилась в плотный, упругий фиксатор, держащий кость не хуже гипса. Сверху всё это было замотано бинтами — жёстко, туго, так, чтобы зверь не мог сдвинуть фиксатор при ходьбе.

— Готово, — сказала Анна, отступая. — Паша, отпускаяй.

Паша отпустил голову падальщика. Зверь полежал секунду, приходя в себя, потом осторожно, медленно поднялся на три здоровые лапы. Четвёртая, зафиксированная, висела в воздухе, но он тут же приспособился, перенёс вес на здоровые конечности и, ковыляя, сделал шаг. Ещё шаг. Ещё. Потом он повернул голову к Анне и тихо, благодарно тьякнул — звук, который не спутаешь ни с чем.

Толпа, собравшаяся за время операции, взорвалась криками. Отверженные хлопали в ладоши, свистели, смеялись, и их лица светились той самой надеждой, которую Анна видела вчера, но теперь эта надежда окрепла, стала уверенностью. Они увидели чудо своими глазами, и чудо было сделано не магией, не жертвоприношением духам машин, а обычной монтажной пеной, пластиковой трубой и руками хирурга.

Зак стоял белый как полотно. Его механические руки дрожали — то ли от ярости, то ли от унижения.

— Это... — начал он, но Кир, выступивший из толпы, перебил его.

— Ты останешься при своём звании, Зак, — сказал старик твёрдо. — Ты умеешь менять детали, и это тоже нужно. Но эти люди — теперь наши лекари. Кибер-Костоправы. Признай их или уходи.

— Я запомню это, — прошипел Зак, глядя не на Кира, а на Анну. — Я запомню.

Он развернулся и ушёл в темноту, и его свита, поколебавшись мгновение, последовала за ним — но не так быстро, как могла бы. Один из них, самый молодой, задержался, бросил взгляд на Анну, потом на зафиксированную лапу падальщика и тихо сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А ведь правда лучше...

И скрылся в темноте вслед за своим предводителем.

4. Болезнь

Три дня прошли относительно спокойно. Команда работала: Анна и Маша вели приём, Вера охраняла и помогала Валере с ремонтом «Газели», Паша совершенствовал своё устройство — теперь его браслет мог считывать телеметрию с имплантов на расстоянии до двухсот метров, и он составлял карту «больных точек» поселения, отмечая тех, кому требовалась срочная помощь.

Бублик окончательно оправился и теперь выполнял роль то ли охранника, то ли талисмана, то ли передвижного обогревателя — его металлические бока грелись от работы гидравлики, и Гектор, тоже пошедший на поправку, почти не отходил от него, предпочитая спать, привалившись к тёплому боку киборга-мутанта.

— Они подружились, — заметила Маша, глядя на эту картину. — Пёс и киборг. В жизни бы не поверила.

— В новой жизни верь всему, — отозвалась Вера, которая сидела рядом и чистила свой плазменный резак, разбирая и собирая его с той машинальной сноровкой, какая бывает только у людей, привыкших к оружию. — Особенно тому, что кажется невозможным.

Вечером третьего дня в лагерь прибежала женщина. Анна сразу узнала её — это была та самая пациентка с механической рукой, которой Маша показывала упражнения. Сейчас её лицо было искажено ужасом, и она задыхалась от быстрого бега.

— Муж! — выкрикнула она, хватая Анну за руку. — Мой муж! Ему плохо! Очень плохо! Жар, бред, он весь горит!

Анна и Маша переглянулись и, не сговариваясь, схватили свои инструменты.

— Вера, остаёшься за старшую, — бросила Анна на ходу. — Если что-то случится — жги и беги.

— Я не бегаю, — ответила Вера спокойно. — Я наступаю. Идите.

Женщина привела их в дальний конец поселения, к одной из пещерок, вырезанных в камне. Внутри было темно, жарко и влажно — воздух спёрся до такого состояния, что дышать было почти невозможно. На куче тряпья, заменявшей постель, лежал мужчина лет тридцати пяти, и его тело содрогалось в судорогах. Кожа была горячей наощупь, лимфоузлы на шее вздулись до размеров перепелиных яиц, а импланты — грубые, кустарные, врезанные прямо в плоть — светились и перегревались, издавая тихое, опасное гудение.

Анна опустила на колени рядом с больным и начала осмотр. Пульс частый, нитевидный, около ста тридцати ударов в минуту. Давление низкое. Температура — под сорок. Дыхание хриплое, с влажными хрипами в нижних долях лёгких. Но самое страшное было не это. Самое страшное было там, где механическая печень — грубый, самодельный имплант — соединялась с живой тканью. Место соединения воспалилось, загноилось, и гной, смешиваясь с фильтратом импланта, разносился по всему организму.

— Сепсис, — сказала Анна. — Заражение крови. Инфекция пошла через интерфейс «имплант-тело». Механическая печень не чистит кровь — она гонит токсины обратно в организм. Это как если бы у тебя в теле работал маленький завод по производству яда.

— Мы можем помочь? — спросила Маша, хотя по её глазам было видно: она уже знает, что ответ будет страшным.

— Нужны антибиотики широкого спектра, — сказала Анна, не отрываясь от осмотра. — Цефалоспорины третьего поколения, как минимум. Или карбапенемы. Или ванкомицин, если это стафилококк. Что у нас есть?

Маша открыла сумку с медикаментами — ту, что уцелела при падении, — и начала перебирать ампулы. Её пальцы двигались быстро, но с каждым движением её лицо мрачнело всё больше.

— Физраствор есть. Глюкоза. Адреналин. Атропин. Преднизолон — две ампулы. Антибиотиков нет, Ань. Ни одной ампулы. Всё разбилось при падении.

Анна закрыла глаза. Всего на секунду — но этого было достаточно, чтобы Маша поняла: их главный хирург сейчас прокручивает в голове варианты, и ни один из них не хорош.

— Тогда будем вскрывать, — сказала Анна, открывая глаза. — Механически. Я войду в интерфейс, удалю гной, промою полость физраствором и иссеку некротизированные ткани. Это не заменит антибиотики, но уберёт очаг инфекции. Организм сильный — если мы уберём источник заразы, он, возможно, справится сам.

— А анестезия? — спросила Маша.

— Нет анестезии. У нас был запас кетамина, но он тоже разбился. Остался только местный новокаин, и того — две ампулы.

— Это будет очень больно.

— Знаю, — сказала Анна и повернулась к женщине, которая стояла у входа, заламывая руки. — Ваш муж умирает. Я могу попробовать его спасти, но операция будет очень болезненной. Он может не пережить боль. Или может пережить и выжить. Выбор за вами.

Женщина посмотрела на своего мужа — на его искажённое судорогой лицо, на его перегретые импланты, на его вздувшиеся лимфоузлы, — и сказала то, что Анна ожидала услышать, но от этого не менее страшное:

— Режьте. Если он умрёт — значит, такова воля машин. Но если вы не попробуете — он умрёт точно.

Анна кивнула и начала готовить операционное поле.

5. Операция без наркоза

То, что происходило в следующие сорок минут, Анна потом не раз вспоминала как самую страшную операцию в своей практике — и одновременно как момент, когда она поняла, ради чего она вообще стала хирургом.

Света было мало. Держать фонари пришлось Паше и Вере, которую Анна вызвала подкреплением. Инструментов едва хватало — скальпель, зажим, пинцет, иглодержатель, шёлковая нить. Антисептика — только спирт, да и тот закончился на первом этапе. Вентиляции не было, и воздух в пещере быстро стал тяжёлым, спёртым, пропитанным запахом гноя и крови.

Пациент, которого звали Дар, кричал.

Он кричал на каждом разрезе, на каждом движении скальпеля, на каждом прикосновении пинцета к воспалённым тканям. Его тело выгибалось дугой, и Вере приходилось держать его за плечи, прижимая к импровизированному операционному столу, сколоченному из обломков пластика и металла.

Но Маша делала то, чего не умел никто другой. Она держала Дара за руку — здоровую, органическую, ту, что не была заменена имплантом, — и говорила с ним. Её голос звучал ровно, монотонно, почти гипнотически, и слова, которые она произносила, складывались в историю — странную, сюрреалистическую, но почему-то успокаивающую. Она рассказывала ему о том, как его тело борется с инфекцией, как армия белых клеток атакует врага, как хирург — Анна — ведёт эту армию в бой, расчищая плацдарм для наступления.

— Ты чувствуешь боль, Дар, — говорила Маша, и её голос обволакивал, как тёплая вода. — Но боль — это сигнал. Это твоё тело говорит тебе: я живо, я борюсь, я не сдаюсь. Прими боль, как союзника. Пропусти её сквозь себя. Не запирай её внутри — выпусти наружу через крик, через дыхание, через мою руку. Дыши со мной. Вдох — боль идёт вверх. Выдох — боль уходит в землю. Вдох. Выдох.

Дар, сквозь крик и слёзы, начал дышать с ней в ритме. Его тело всё ещё содрогалось, но судороги стали реже, а крик — тише. Паша, державший фонарь, смотрел на Машу с таким выражением лица, словно видел её впервые в жизни — фокусницу, волшебницу, человека, который может словами остановить боль.

Анна работала. Она вскрыла интерфейс — грубый стык между живой печёночной тканью и металлическим корпусом импланта, — и то, что она там увидела, было хуже, чем она ожидала. Некроз распространился глубоко, и гной пропитал не только органические ткани, но и начал разъедать металл. Кусочек отмершей печени размером с ноготь большого пальца стал рассадником инфекции — именно здесь бактерии размножились и выбрасывали в кровь свои токсины.

— Вот ты где, — прошептала Анна, нащупывая пинцетом край некротизированной ткани. — Валера, будешь нужен через минуту.

Валера, которого Анна вызвала специально для этого этапа, уже стоял рядом, держа наготове гаечный ключ и отвёртку. Его задача была самой сложной и самой противоестественной для обычного слесаря: на время отсоединить имплант от биологического интерфейса, чтобы Анна могла добраться до очага инфекции, не повредив механическую часть.

— Готов? — спросила Анна.

— Готов, — ответил Валера, и его руки, вопреки обыкновению, были совершенно спокойны. Ни намёка на дрожь.

— Отсоединяй.

Валера наклонился над пациентом, нашёл крепёжные болты, соединявшие корпус импланта с биологическим ложем, и начал откручивать их — медленно, осторожно, миллиметр за миллиметром. Механическая печень отошла от живой ткани, и в открывшуюся щель

хлынул гной. Анна немедленно ввела в полость дренаж — тонкую трубку, найденную среди обломков «Газели», — и начала промывать рану физраствором.

— Свет! — рявкнула она, и Паша с Верой одновременно подали фонари ближе.

— Пульс падает! — крикнула Маша, не прерывая своего монотонного речитатива. — Давление — семьдесят на сорок!

— Адреналин, — скомандовала Анна, не отрываясь от работы. — Полкубика внутривенно!

Маша, не отпуская руки Дара, свободной рукой нашарила ампулу, надломилась её, набрала в шприц и ввела в вену на шее — единственное доступное место. Пульс выровнялся не сразу, но через минуту начал подниматься.

— Восемьдесят, — доложила Маша. — Девяносто. Сто. Растёт.

Анна иссекла некротизированный участок, ещё раз промыла полость, проверила, не осталось ли где затеков гноя, и наложила шов — аккуратный, двухэтажный, соединивший сначала глубокий слой, потом поверхностный. Когда последний узел был затянут, она отступила от стола и только тогда заметила, что у неё дрожат руки.

— Всё, — сказала она и опустила прямо на пол, потому что ноги больше не держали.

Дар лежал на столе и дышал — хрипло, тяжело, но ровно. Его температура начала падать почти сразу же, как будто организм, освобождённый от гнезда инфекции, наконец-то смог переключить ресурсы на борьбу с болезнью. Маша всё ещё держала его за руку, но теперь она не говорила — она просто сидела рядом, закрыв глаза, и по её щекам текли слёзы.

Валера, закончив свою часть работы, сидел в углу и разглядывал свои руки. Они снова начали дрожать — теперь, когда напряжение спало, дрожь вернулась, но он смотрел на неё с каким-то странным, почти нежным выражением, словно на старого друга, который приходит только тогда, когда работа уже сделана.

Вера стояла у входа с плазменным резаком в руках. Снаружи, в темноте, слышался шум — кажется, Зак со своими сторонниками пытался прорваться к пещере, но путь ему преградила толпа Отверженных. Среди них была женщина с механической рукой — та самая пациентка, которой Маша показывала упражнения. Она стояла в первом ряду с куском арматуры в здоровой руке и кричала что-то Заку в лицо. Вера не слышала слов, но смысл был ясен: «Не тронь лекарей».

Шум стих. Послышались удаляющиеся шаги. Вера опустила резак и обернулась к своим.

— Ушли, — сказала она. — Зак сбежал. А его люди... часть его людей осталась. Ждут снаружи.

— Чего ждут? — спросила Анна, не поднимая головы.

— Тебя, — ответила Вера.

Анна поднялась — медленно, опираясь на руку Маши, — и вышла наружу.

Там, в фиолетовом сумраке, стояла толпа. Не меньше полсотни Отверженных — мужчины, женщины, старики, дети. И вместе с ними стояли четверо бывших сторонников Зака, которые отступились от своего предводителя, увидев то, что произошло в пещере.

Когда Анна появилась на пороге, Кир, стоявший впереди, медленно, торжественно опустился на одно колено. За ним — всё племя. Опустились и бывшие люди Зака.

— Кибер-Костоправы, — сказал Кир, и его голос разнёсся далеко по пещере. — Я говорил это раньше, но теперь скажу при всех. Вы спасли моего лучшего охотника. Вы спасли ребёнка. Вы спасли Дара, которого Зак уже списал в утиль. Вы спасли зверя, которого никто не считал достойным спасения. Я не знаю, кто вы и откуда. Но с этого дня — вы наше племя. И горе тому, кто поднимет на вас руку.

Толпа взорвалась криками. Не теми криками, что три дня назад, когда они приветствовали операцию на падальщике, — нет, теперь это были голоса людей, которые обрели надежду. Которые поняли: их больше не будут списывать в утиль. Их будут лечить.

Анна стояла в дверях пещеры и смотрела на это море лиц, и в её холодных, стальных глазах впервые за долгое время блеснуло что-то, отдалённо похожее на слёзы.

Она вспомнила ребёнка с жабрами, который теперь мог смеяться. Женщину с рукой, которая теперь стояла с арматурой, готовая защищать своих врачей. Охотника по имени Ржавый, который вчера принёс им тушу какого-то подземного зверя в благодарность. И она поняла: это не просто работа. Это больше.

— Поднимайтесь, — сказала она, и голос её звучал устало, но твёрдо. — Мы никуда не уходим. Но нам нужна энергия. И карта. И информация. И ещё — нам нужно починить нашу машину. Потому что если мы будем сидеть на одном месте, мы сможем лечить только вас. А если мы поедem — мы сможем лечить всех.

— Вы получите всё, — сказал Кир, поднимаясь. — Завтра я покажу тебе карту. А сегодня — отдых.

6. Карта поверхностей

Этой ночью они снова сидели у своего обогревателя — Валера приладил к нему дополнительный нагревательный элемент, найденный среди местного металлолома, и теперь устройство давало в полтора раза больше тепла. Гектор спал, положив голову на бок Бублику. Бублик тихо урчал, и его органический глаз был полузакрыт — кажется, киборг-мутант тоже научился дремать.

Кир пришёл один, без свиты, без церемоний. Он сел на камень напротив Анны, и его механическая рука тихо зажужжала, проецируя в воздух голограмму — ту самую карту, которую он обещал.

— Смотри, — сказал он, и в его голосе было что-то похожее на благоговение. — Это наш мир.

Голограмма развернулась, и Анна увидела то, от чего у неё перехватило дыхание.

Это был не просто подземный бункер. Это был колоссальный муравейник, уходящий вглубь на много километров. Три больших слоя — Нижние, Средние и Верхние уровни, — соединённые шахтами, лифтовыми колодцами и техническими тоннелями. Над Верхними уровнями, уже на поверхности, высились Сияющие Башни — четыре иглы, пронзающие небо, штаб-квартира корпорации «НейроСинт».

— Нижние уровни, — Кир провёл пальцем по нижнему слою. — Здесь живём мы. Отверженные. Мутанты. Беглецы. Те, кого Верхние списали в брак. Здесь нет закона, кроме силы и чести. Здесь много боли, Анна. Много больных.

— Средние уровни, — палец двинулся выше. — Промышленные зоны. Заводы. Рынки. Здесь делают импланты. Здесь торгуют органикой — живыми органами для тех, кто ещё не хочет становиться машиной. Здесь живут те, кто обслуживает Верхних, но не имеет права подняться выше.

— Верхние уровни, — голограмма показала широкую, светлую полосу с ровными линиями улиц и площадей. — Город. Здесь живут «чистые» — люди, служащие корпорации. У них нет имплантов, кроме самых необходимых. Они считают себя элитой. Они не знают, что Верхние для них — просто расходный материал.

— И наконец, — Кир поднял палец к самым верхушкам голограммы, — Сияющие Башни. «НейроСинт». Совет директоров. Они уже не люди. Они — чистый разум в механических оболочках. Они правят этим миром уже много поколений. И они никому не позволяют лечить иначе, чем предписано их протоколами.

— Протоколы, — повторила Анна. — Замена, а не лечение.

— Да, — кивнул Кир. — Протокол гласит: дефектный имплант заменить. Дефектный орган заменить. Дефектного человека — заменить. Ты первая, кто нарушил этот протокол и выжил.

Анна долго смотрела на карту. Вера, сидевшая рядом, изучала её с тактическим интересом, отмечая про себя входы, выходы, узкие места, потенциальные позиции для обороны. Маша смотрела на Верхние уровни с тревогой — она уже поняла, что рано или поздно они туда попадут, и это будет опасно. Паша смотрел на Сияющие Башни с тем выражением лица, с каким геймер смотрит на главный босс-файт — страх пополам с восторгом.

Валера просто пожал плечами и сказал:

— Ну, карта есть. Машину почти починили. Осталось колёса поставить да кардан приварить. Через пару дней можно выдвигаться.

— Куда? — спросила Анна, хотя уже знала ответ.

— Туда, где больные, — сказал Валера просто. — Мы ж Кибер-Костоправы. У нас работа такая.

Анна впервые за вечер улыбнулась. Не той своей обычной, холодной, ироничной улыбкой, а настоящей — усталой, но тёплой.

— Да, — сказала она. — У нас работа такая.

Она посмотрела на своих людей: Веру, которая молча кивнула, подтверждая свою готовность идти куда угодно, где нужна защита; Машу, которая всё ещё держала за руку невидимого Дара, продолжая успокаивать его даже мысленно; Пашу, который уже прикидывал, как усовершенствовать свой браслет для работы на Средних уровнях; Валеру, чьи руки снова дрожали, но который смотрел на карту с азартом мастера, получившего новый заказ.

Потом она посмотрела на Бублика и Гектора — двух зверей, с которых всё началось. Один — киборг-мутант, которого местные считали расходным материалом. Второй — обычный пёс, которого она обещала вернуть хозяйке живым и который теперь, возможно, никогда не увидит свою хозяйку. Но оба были живы, и оба были здесь, и оба, кажется, готовы были идти за своей командой хоть на край света.

— Завтра начинаем готовиться к выезду, — сказала Анна. — А сегодня — спать.

Она поднялась, одёрнула фартук — всё ещё испачканный кровью Дара, но теперь это пятно не вызывало у неё отвращения. Это было пятно победы.

Завтра будет новый день. Завтра будут новые пациенты. Завтра «Газель», возможно, снова встанет на колёса и поедет — через Нижние уровни, через Средние, через Верхние, туда, где боль и страх и где никто не знает, что такое настоящая медицина.

Но сегодня — тишина. Тепло. И ощущение, которое Анна почти забыла за годы работы в старой клинике, среди капризных хозяев и сломанных питомцев.

Ощущение, что она на своём месте.

Глава 3. «Дорога»

1. Последний ремонт

Валера не спал третьи сутки, и это начинало сказываться на его характере.

Он сидел под «Газелью», лёжа на спине прямо на холодном камне, и матерился так виртуозно, что проходившие мимо Отверженные ускоряли шаг, а некоторые, особо впечатлительные, даже крестились — хотя никакого бога в этом подземном мире, кажется, не знали. Его руки, вопреки обыкновению, не тряслись, потому что перед началом работы он опрокинул те самые заветные полстакана, которые превращали его из помятого жизнью алкаша в гениального механика, способного починить всё, что имеет резьбу, шкив или электрический контакт.

— Нет, вы посмотрите на это, — донёсся его голос из-под машины. — Вы только посмотрите! Кардан я им заварил, мост я им выправил, ступицу я им заменил — спасибо местным, у них в металлोलоме нашлась почти такая же, только с левой резьбой, но я ж не гордый, я переточил. А теперь эта сволочь не хочет заводиться, потому что стартер, видите ли, накрылся!

— Валера, — сказала Вера, которая сидела на ящике рядом с машиной и чистила плазменный резак, — ты уже три часа воюешь со стартером. Может, проще толкнуть?

— Толкнуть? — Валера выбрался из-под машины с такой скоростью, словно его ужалила какая-то подземная тварь. Его лицо, перепачканное маслом и металлической пылью, выражало крайнюю степень профессионального оскорбления. — Ты предлагаешь мне, Валерию Петровичу Семёнову, слесарю пятого разряда, между прочим, с тридцатилетним стажем, толкать машину, как каким-нибудь пацанам на колхозном поле? Не для того я эту красавицу из мёртвых поднимал, чтобы её теперь толкали!

— Ну извини, — усмехнулась Вера, не отрываясь от своего занятия. — Я не знала, что у тебя пятый разряд.

— Шестой, — буркнул Валера, залезая обратно под машину. — Почти. Я на шестой сдавал, но не сдал. Не потому что не знал — потому что запил. Но это уже детали.

Анна наблюдала за этой сценой, сидя на своём привычном месте — на перевёрнутом ящике из-под медикаментов, который за эти дни стал её неофициальным тронem. Бублик лежал рядом, положив голову ей на колени, и тихо урчал. Гектор, уже вполне окрепший, сидел чуть поодаль и с интересом наблюдал за происходящим, время от времени наклоняя голову то влево, то вправо, словно пытаясь понять, почему люди так много говорят и так мало работают.

Прошло уже пять дней с момента операции Дара. Пять дней относительно спокойной работы: обходы, перевязки, консультации, обучение местных простейшим медицинским навыкам. Маша организовала что-то вроде курсов первой помощи — собирала женщин и стариков и показывала, как обрабатывать раны, как накладывать повязки, как распознавать первые признаки сепсиса. Паша продолжал совершенствовать свой браслет и теперь мог не только считывать телеметрию с имплантов, но и составлять что-то вроде медицинских карт — примитивных, но уже работающих. Вера охраняла лагерь и заодно тренировала нескольких молодых охотников правилам ближнего боя — её опыт военной медсестры включал не только медицину, но и навыки выживания в зоне боевых действий.

И всё это время Валера ремонтировал «Газель».

Это был подвиг. Самый настоящий, негромкий, незаметный подвиг человека, который мог бы просто запить с горя, но вместо этого решил починить машину, используя только подручные материалы, смекалку и те самые полстакана, которые делали его руки твёрдыми. Он выправил погнутый задний мост с помощью домкрата и куска рельса, найденного в местных завалах. Он заварил треснувший кардан, используя вместо сварочного аппарата плазменный

резак Веры и присадочную проволоку, которую Отверженные отковыряли от какой-то древней конструкции. Он заменил ступичный подшипник — тот самый, который диагностировал ещё там, наверху, лёжа пьяным на обочине, — на деталь, снятую с разбитого местного вездехода, которая почти подошла, если не считать левой резьбы, которую он, разумеется, переточил.

И теперь, когда всё, казалось бы, было готово, отказал стартер.

— Дело не в стартере, — вдруг сказал Паша, который сидел в сторонке и возился со своим браслетом. — Вернее, не только в нём.

— А в чём? — спросила Анна.

— Я тут слушал местную сеть. Помните, я говорил про сигналы от имплантов? Так вот, они идут не только от людей. Некоторые машины тоже транслируют. И «Газель» наша...

Он замолчал, вглядываясь в экран браслета.

— Ну? — поторопила его Вера.

— «Газель» наша попала в местную сеть, — сказал Паша. — Она теперь как бы... зарегистрирована. Как устройство. И местная система безопасности пытается её заблокировать. Типа, чужеродный объект, неопознанный транспорт, доступ запрещён.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно произнесла Анна, — что наша машина не заводится, потому что ей не даёт разрешения местный компьютер?

— Ну... да.

Валера вылез из-под машины и уставился на Пашу долгим, тяжёлым взглядом.

— Я три дня ковырялся в железе, — сказал он. — Три дня. Я победил кардан. Я победил мост. Я победил ступицу. И теперь ты говоришь мне, что проблема не в железе, а в какой-то бюрократической сволочи, которая сидит где-то в облаке и не даёт мне разрешения завести мой собственный двигатель?

— Ну... да.

Валера закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Потом открыл глаза и сказал:

— Дай мне свой браслет.

— Зачем?

— Я его перепрошью так, что местная сеть будет думать, будто мы — своя техника. Не ветеринарная скорая помощь, а, скажем, мобильный пункт переработки органики. Или ремонтная бригада нижних уровней. У них тут наверняка есть что-то такое.

Паша прижал браслет к груди обеими руками.

— Ты? Перепрошить? Ты же говорил, что в компьютерах не разбираешься!

— Я в компьютерах не разбираюсь, — согласился Валера. — Но я разбираюсь в системах. А система — она и есть система, что в железе, что в софте. Дай сюда.

Через двадцать минут, к всеобщему изумлению, «Газель» завелась.

Двигатель чихнул, кашлянул, выпустил облако чёрного дыма и заработал — неровно, с перебойми, но заработал, и этот звук был для команды лучшей музыкой после пяти дней тишины. Валера, стоявший у открытого капота с браслетом Паши в руках, поднял голову и улыбнулся — той самой редкой, почти застенчивой улыбкой, которая появлялась на его лице только в моменты абсолютного профессионального триумфа.

— Ну, — сказал он, — я ж говорил. Система есть система.

— Ты взломал закрытую корпоративную сеть с помощью фитнес-браслета за две тысячи рублей, — сказал Паша, глядя на Валеру с выражением, близким к религиозному поклонению. — Ты вообще понимаешь, что ты сейчас сделал?

— Понимаю, — ответил Валера. — Я завёл двигатель. Остальное — детали.

Вера, наблюдавшая за этой сценой, тихо рассмеялась и покачала головой.

— А знаете, — сказала она, — я начинаю думать, что мы не просто так сбили этого человека на дороге. Кто-то там, наверху, — она махнула рукой куда-то в сторону далёких Сияющих Башен, — явно знал, что без него мы не справимся.

— Наверху никто не знает о нашем существовании, — сказала Анна, поднимаясь с ящика. — И пока это так, у нас есть преимущество. Но если «Газель» зарегистрировалась в местной сети, это значит, что рано или поздно нас заметят. Нужно выдвигаться. Сегодня.

— Сегодня? — переспросила Маша, которая как раз подошла с очередного обхода. — А как же... пациенты?

— Пациенты стабильны, — ответила Анна. — Ты сама говорила. Дар поправляется, мальчик с жабрами дышит ровно, Ржавый видит обоими глазами. Мы сделали всё, что могли. Если останемся — привлечём внимание к поселению. А внимание им сейчас не нужно.

Кир, который всё это время сидел чуть поодаль и молча слушал разговор, поднялся и подошёл к Анне.

— Ты права, — сказал он. — Зак ушёл, но он может вернуться. Или привести тех, кто сильнее его. Вам нужно уходить. Но куда?

Анна развернула голограмму карты, которую Кир передал ей вчера — старый проектор, встроенный в его механическую руку, мог копировать данные на внешние носители, и теперь Пашин браслет хранил в себе подробную схему нижних уровней.

— Вот сюда, — она ткнула пальцем в точку на восточной окраине нижнего уровня. — Здесь отмечено ещё одно поселение. Примерно в трёх днях пути, если ехать по техническим тоннелям. Если верить твоей карте, там живут такие же Отверженные.

— Там живут не только Отверженные, — сказал Кир, и его голос стал мрачным. — Там живут ещё и мутанты. Дикие. Те, кто потерял разум после неудачных имплантаций. Мы называем их Одичальными. Они опасны.

— Мы справимся, — сказала Вера, и в её голосе прозвучала та спокойная, абсолютная уверенность, которая заставляла людей верить ей безоговорочно. — У нас есть плазменный резак, у нас есть Бублик, у нас есть Валера, который может починить всё, что сломается. И у нас есть мы.

— И у нас есть ещё кое-что, — добавил Паша, поднимая браслет. — Я перехватил сигнал из того района. Там есть больные. Много. Я не знаю, что именно с ними, но сигналы слабые, нестабильные. Им нужна помощь.

— Вот и причина ехать, — сказала Анна. — Собираемся. Через час выезжаем.

2. Прощание

Сборы заняли больше часа — почти два, — но никто не жаловался. Слишком многое нужно было сделать, слишком многое проверить, перепроверить и закрепить перед тем, как отправиться в путь через неизвестность.

Валера и Вера занимались «Газелью». Проверили двигатель, подтянули все болты, закрепили ящики с оборудованием, установили на крыше самодельный багажник, сваренный из обломков металла, — туда сложили запасы воды и еды, которые выдали Отверженные. Валера лично осмотрел каждое колесо, каждый шланг, каждое соединение, и только когда убедился, что машина готова к дороге, отошёл в сторонку, вытер руки промасленной тряпкой и сказал:

— Ну, с богом.

— Ты веришь в бога? — удивилась Вера.

— Я верю в двигатель внутреннего сгорания, — ответил Валера. — Это почти одно и то же.

Маша собирала медицинские припасы. То, что уцелело при падении, было рассортировано, переписано и упаковано в герметичные контейнеры, которые Отверженные отыскивали в старых технических складах. Антибиотиков по-прежнему не было, но зато были бинты, физраствор, несколько ампул адреналина и преднизолона, хирургический инструмент, который Анна лично проверила и заточила. Ещё были местные средства — травы, порошки, настойки, которые Отверженные использовали для лечения. Маша относилась к ним скептически, но брала всё, что давали, рассудив, что в полевых условиях любое лекарство лучше, чем никакого.

Паша паковал свою технику. Кроме браслета, который теперь был его главным инструментом, он раздобыл у Отверженных старый планшет — разбитый, с треснувшим экраном, но ещё работающий. Планшет не ловил местную сеть, зато мог хранить данные, и Паша потратил несколько часов на то, чтобы скопировать на него карту нижних уровней, медицинские записи и ещё какую-то информацию, которую он называл «база знаний» и которая, по его словам, могла пригодиться в дороге.

Анна обходила пациентов. Это был её ритуал — перед уходом она всегда проверяла тех, кого оперировала. Дар, уже сидевший на своей постели, встретил её слабой, но искренней улыбкой. Его температура была в норме, лимфоузлы уменьшились, шов заживал чисто. Ещё пара недель — и он сможет охотиться.

— Спасибо, — сказал он, и в этом слове было столько всего, что Анна, не привыкшая к проявлению эмоций, просто кивнула и быстро вышла.

Мальчик с жабрами — его звали Тим, и это было одно из немногих обычных имён, сохранившихся у Отверженных, — бегал. Анна увидела его у центрального костра: он играл с другими детьми в какую-то местную игру, смысл которой сводился к тому, чтобы перебрасывать друг другу светящийся камень, и при этом смеялся — громко, заливисто, без единого намёка на одышку. Браслет Паши, который теперь был закреплён у него на запястье временным ремешком, мерно мигал синим, синхронизируя дыхание.

— Эй, — окликнула его Анна. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо! — крикнул Тим, не останавливаясь. — Я теперь могу бегать! Смотрите!

Он пробежал круг вокруг костра, даже не запыхавшись. Анна проводила его взглядом и впервые за долгое время почувствовала что-то, отдалённо похожее на гордость. Не ту холодную, профессиональную гордость хирурга, который хорошо сделал свою работу, а другую — тёплую, почти материнскую. Она быстро подавила это чувство, но Маша, стоявшая рядом, заметила его и улыбнулась.

— Ты спасла его, — тихо сказала Маша. — Не просто вылечила — спасла. Он бы умер через год-два, если бы не мы.

— Мы, — поправила Анна. — Не я. Мы. Ты держала его за руку. Паша перепрошил браслет. Валера нашёл батарейку. Вера охраняла вход. Это была командная работа.

— Ну да, — согласилась Маша. — Но командовала парадом ты.

Ржавый, охотник с прооперированным глазом, ждал их у выхода из поселения. Он стоял, опираясь на длинное копьё с металлическим наконечником, и смотрел на «Газель» с выражением, которое Анна не сразу смогла расшифровать. А когда расшифровала — удивилась. Это было восхищение.

— Вы уезжаете, — сказал он не то спрашивая, не то утверждая.

— Да, — ответила Анна. — У нас есть другие пациенты. Но мы вернёмся.

— Я знаю, — сказал Ржавый. — Я хочу поехать с вами.

Анна остановилась. Этого она не ожидала.

— Зачем? — спросила она.

— Я охотник. Я знаю нижние уровни. Я знаю, где живут Одичалые и как их обходить. Я знаю, где брать воду и где прятаться от патрулей. Вы идёте в опасное место. Я могу помочь.

Анна посмотрела на Веру. Вера пожала плечами — жест, который означал: «Решай сама, но я бы взяла».

Анна посмотрела на Машу. Маша кивнула — она уже привыкла доверять людям, и Ржавый за эти дни доказал, что ему можно доверять.

Анна посмотрела на Пашу, который уже тащил к машине какой-то дополнительный ящик с оборудованием и даже не заметил этого разговора.

— Хорошо, — сказала она. — Поедешь с нами. Но у нас есть правила. Первое: я — главный врач, и мои приказы не обсуждаются. Второе: пациент всегда на первом месте. Третье: своих не бросаем.

— Принято, — сказал Ржавый просто. — Я уважаю правила стаи.

— Это не стая, — улыбнулась Анна. — Это бригада.

— Это одно и то же, — ответил Ржавый и пошёл к «Газели».

Час спустя, когда всё было готово, Отверженные вышли проводить их. Это не было похоже на торжественные проводы — скорее на молчаливое прощание людей, которые привыкли терять, но ещё не разучились надеяться. Кир стоял впереди, и его механическая рука была поднята в жесте, который здесь, кажется, означал благословение.

— Езжайте, — сказал он. — И возвращайтесь. Здесь у вас теперь дом.

— Мы вернёмся, — сказала Анна. — Обещаю.

Вера села за руль, Маша и Паша устроились в салоне с Гектором и Бубликом, Ржавый забрался на багажник — он сказал, что так лучше видно дорогу и можно заметить опасность заранее. Валера сел рядом с Верой, на пассажирское сиденье, и тут же начал что-то подкручивать в приборной панели.

Анна задержалась на мгновение. Она стояла у открытой двери «Газели» и смотрела на пещеру, которая на пять дней стала им убежищем. На фиолетовое свечение, к которому она почти привыкла. На лица людей, которые стали её пациентами. На Бублика, который сидел у её ног и ждал команды.

— Поехали, — сказала она и села в машину.

«Газель», чихнув на прощание сизым выхлопом, тронулась с места и медленно, осторожно, словно пробуя дорогу на ощупь, покатила в темноту технического тоннеля.

3. Тоннель

Технический тоннель оказался именно таким, каким его описывал Кир: длинным, прямым, как стрела, и почти бесконечным. Он был проложен не людьми — по крайней мере, не теми людьми, которых знала Анна, — а какими-то древними машинами, которые прогрызли камень и укрепили своды металлическими рёбрами, похожими на скелет исполинского змея. Вдоль стен тянулись трубы и кабели, некоторые ещё работали — они гудели и вибрировали, создавая тот самый низкочастотный шум, который Анна чувствовала кожей с первого дня под землёй.

«Газель» шла на небольшой скорости — не больше тридцати километров в час, — но даже это было чудом после всего, что она пережила. Вера вела её осторожно, объезжая обвалившиеся куски породы и лужи какой-то маслянистой жидкости, которая сочилась из треснувших труб. Фары выхватывали из темноты фрагменты тоннеля: вот ржавый остов какой-то древней машины, вот брошенный лагерь — кострище, обглоданные кости, обрывки ткани, — вот следы когтей на стене, слишком крупных для обычного зверя.

— Одичалые, — сказал Ржавый, который сидел на багажнике и смотрел в темноту через самодельный бинокль, собранный из двух оптических прицелов разного калибра. — Проходили здесь недавно. Может, вчера. Может, сегодня утром.

— Нам стоит их бояться? — спросила Вера, не оборачиваясь.

— Стоит, — сказал Ржавый коротко. — Они не думают. Они только охотятся. Если заметят нас — нападут всей стаей. У них нет страха, только голод.

— Сколько их может быть?

— По-разному. Иногда трое-четверо. Иногда двадцать. Я видел стаю в тридцать голов однажды. Мы тогда потеряли двух охотников.

Вера кивнула и прибавила скорость — ровно настолько, насколько позволяла дорога. Плазменный резак лежал у неё на коленях, и рука время от времени касалась его рукояти, проверяя, на месте ли оружие.

В салоне было тесно, но уютно. Маша сидела на ящике с медикаментами и держала на коленях Гектора, который, кажется, окончательно смирился со своим новым положением домашнего любимца всей бригады и теперь требовал, чтобы его гладили каждые полчаса. Бублик лежал на полу, занимая почти всё свободное пространство, и его хвост-противовес мерно постукивал по металлическому борту. Паша сидел в углу, уткнувшись в свой браслет, и что-то бормотал себе под нос — кажется, он пытался наладить связь с местной сетью, которая здесь, в тоннеле, была слабой и нестабильной.

— Есть сигнал, — вдруг сказал он. — Слабый, но есть. Впереди, километрах в десяти. Какое-то поселение.

— То самое, куда мы едем? — спросила Анна.

— Не знаю. На карте оно не отмечено. Может, новая точка. Может, что-то другое.

— Проверь ещё раз.

Паша поколдовал над браслетом, и на его экране появилась россыпь слабых, мерцающих точек.

— Там люди, — сказал он. — Импланты передают телеметрию. Но сигналы плохие. У некоторых — очень плохие. Я бы сказал, что там эпидемия.

Анна и Маша переглянулись.

— Какая именно? — спросила Анна.

— Я не знаю. Браслет не даёт точного диагноза, только общие показатели. У многих — повышенная температура. У многих — аритмия. У некоторых — отказ имплантов. Это всё, что я могу сказать.

— Этого достаточно, — сказала Анна. — Вера, прибавь скорость. Если там эпидемия, мы нужны им как можно быстрее.

Вера нажала на газ, и «Газель», взревев мотором, рванулась вперёд.

4. Поселение на краю

Поселение появилось из темноты внезапно — как и все поселения в этом мире, где не было ни дорожных знаков, ни указателей, ни даже нормального освещения. Сначала в свете фар мелькнули баррикады — грубые, собранные из металлолома и каменных глыб стены, окружавшие небольшой лагерь. Потом — ворота, тоже грубые, из сваренных между собой листов железа. Потом — люди, которые при виде «Газели» не проявили ни страха, ни радости, ни любопытства. Они просто стояли и смотрели.

Вера остановила машину перед воротами и вышла наружу, держа плазменный резак на виду — не угрожая, но и не скрывая. Анна вышла следом.

— Мы — Кибер-Костоправы, — сказала она громко, обращаясь к тем, кто стоял за баррикадами. — Мы лечим. У нас есть медикаменты и инструменты. Если у вас есть больные — мы можем помочь.

Долгое молчание было ей ответом. Потом один из людей — высокий, измождённый мужчина с полностью механической нижней челюстью, которая тихо жужжала при разговоре, — шагнул вперёд.

— Лекари? — переспросил он, и в его голосе было недоверие пополам с надеждой. — Откуда?

— Издалека, — сказала Анна. — Мы были в поселении Кира на западной окраине. Вы знаете Кира?

Механическая челюсть щёлкнула — видимо, это означало утвердительный ответ.

— Кира знаем, — сказал мужчина. — Но он не присылал лекарей. У него своих нет.

— Теперь есть, — сказала Анна. — Покажите мне ваших больных.

Их провели внутрь, и то, что Анна увидела, заставило её забыть о собственной усталости.

Поселение было маленьким — не больше тридцати человек, — но почти половина из них лежала. Они лежали прямо на земле, на кусках ткани, на обрывках пенопласта, на чём попало, и их тела содрогались в лихорадке. У одних горели импланты — в буквальном смысле горели, источая запах палёной изоляции и перегретого металла. У других, напротив, импланты отключились, и люди остались без механических частей, которые заменяли им жизненно важные органы.

— Это началось три дня назад, — сказал мужчина с механической челюстью. — Сначала заболел один. Потом ещё трое. Потом все, у кого были импланты старой модели. Мы не знаем, что это. Мы никогда такого не видели.

Анна опустилась на колени рядом с ближайшим больным — молодой женщиной с имплантом почки, который пульсировал и светился в темноте, как перегруженный реактор. Она осмотрела её, проверила пульс, температуру, состояние импланта и вдруг поняла.

Это был не сепсис. Это была не инфекция. Это была атака.

Кто-то — она не знала, кто именно, но могла догадаться, — запустил в местную сеть вирус, который заставлял импланты работать на пределе мощности. Старые модели, у которых не было защиты от перегрузки, не выдерживали и начинали разрушаться, попутно отравляя организм хозяина продуктами распада. Новые модели держались, но и они рано или поздно отказали бы.

Это было оружие. Биологическое оружие нового типа, направленное не на органику, а на механику. И оно убивало людей не менее эффективно, чем любая чума.

— Паша, — позвала она, и в её голосе зазвенел металл. — Ты говорил, что можешь читать местную сеть. Ты можешь найти источник сигнала?

— Я попробую, — сказал Паша, уже на ходу взглядываясь в экран браслета.

— Валера, — Анна повернулась к слесарю. — Эти импланты перегружены. Можешь ли ты отключить их от сети? Физически, не программно.

— Если я отключу имплант от сети, он перестанет получать команды, — сказал Валера. — Но он и перестанет отдавать данные. Хозяин импланта может умереть, если это жизненно важный орган.

— Тогда не отключать — шунтировать. Перенаправить сигнал в обход. Как ты делал с гидравликой Бублика.

Валера задумался на секунду, потом кивнул.

— Нужна проволока. Много проволоки. И паяльник. И...

— Что?

— И полстакана, — вздохнул Валера. — Я знаю, что ты сейчас скажешь. Но без полстакана мои руки не справятся с такой тонкой работой. Это не кардан варить, это микроэлектроника. Тут нужна твёрдая рука.

Анна посмотрела на него долгим взглядом.

— У тебя будет полстакана. Но только полстакана. Если ты выпьешь больше — я лично тебя прооперирую.

— Договорились, — сказал Валера и полез в свой ящик за инструментами.

Анна повернулась к Маше и Вере.

— Разворачиваем операционную. Здесь, прямо в поселении. Будем оперировать всех, кто не сможет ждать. Паша — ищи источник. Валера — глуши сигнал. Я — режу. Маша — анестезия и мониторинг. Вера — охрана и свет. Ржавый — ты знаешь местность, будь нашим разведчиком.

Ржавый кивнул и растворился в темноте, не проронив ни звука. Анна проводила его взглядом и подумала, что этот человек определённо был хорошим приобретением для их команды.

— Работаем, — сказала она и начала закатывать рукава.

5. Эпидемия

Следующие несколько часов слились для Анны в один непрерывный, бесконечный поток пациентов.

Она оперировала одного за другим — вскрывала интерфейсы, отключала перегруженные контуры, удаляла сгоревшие детали, промывала раны, накладывала швы, — и с каждым пациентом её понимание этого мира становилось глубже. Она видела то, чего не видели местные техножрецы: не просто механическую поломку, а системный сбой, поразивший целую экосистему. Вирус не просто убивал импланты — он превращал их в оружие против собственных хозяев.

Маша работала рядом, и её роль в этой операции была едва ли не важнее, чем роль Анны. Она не могла дать полноценный наркоз — запасы закончились ещё в прошлый раз, — но она могла говорить. Она говорила с каждым пациентом, держала их за руки, успокаивала, отвлекала, и её голос, тихий и ровный, действовал лучше любого лекарства. Анна, краем сознания, слышала обрывки её монологов — о небе, которого здесь никто никогда не видел, о солнце, о траве, о дожде, — и думала о том, что Маша, наверное, единственный человек в их команде, кто действительно понимает, что значит быть врачом. Не просто резать и шить, а лечить. Исцелять.

Валера работал с паяльником. Он сидел в углу импровизированной операционной, окружённый мотками проволоки и обрезками микросхем, и мастерил шунты — маленькие, почти невидимые глазу устройства, которые перенаправляли сигнал из заражённой сети в обход, позволяя импланту работать автономно, без связи с внешним источником. Его руки, вопреки ожиданиям, были тверды, и каждое его движение было точным и выверенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.